ДЖОН БРАННЕР

ВРЕМЯ УКРАШАТЬ КОЛОДЦЫ

Время украшать колодцы
Джон Браннер

Аннотация
Джон Браннер
Время украшать колодцы

Аннотация

1922 год. Молодой аристократ Эрнест Пик, проживающий в усадьбе своей тетки, никак не может оправиться (прежде всего психологически) от последствий Первой мировой войны. Дорогой к спасению для него становится любовь внучки местного священника и помощь крестьянам в организации праздника в честь хозяйки здешних водоемов, а также противостояние с теткой, охваченной фанатичным религиозным рвением.

Джон Браннер

Время украшать колодцы

Уши его оглохли от грохота артиллерийских снарядов, глаза слезились, горло саднило от ядовитого газа… Эрнест Пик с огромным трудом, ощупью добрался до шнурка, на котором висел прикроватный колокольчик, дернул за него и наконец очнулся от сна: кулаки сжаты, сердце бешено бьется и во всем теле такая усталость, словно он и не ложился спать.

«Может, лучше было бы действительно не ложиться», — подумал он.

Дверь приоткрылась. Вошел Тинклер, служивший у него ординарцем и во Франции, и во Фландрии. Он раздернул занавески, и в спальню хлынул дневной свет.

— Вы снова плохо спали, сэр? — осведомился Тинклер.

Это был даже и не вопрос. О дурно проведенной ночи красноречиво свидетельствовали смятые, скомканные простыни.

На столике у кровати среди коробочек с лекарствами стояли бутылка с настойкой валерианы, стакан и кувшин с водой. Тинклер тщательно

накапал предписанное врачом количество лекарства в стакан, долил туда воды, размешал и подал хозяину. Эрнест, хотя и неохотно, лекарство проглотил: похоже, оно действительно помогало. Доктор Касл показывал ему статью, где описывалось успешное лечение валерианой и в иных случаях контузии.

«А ведь каждый из них по — своему любит меня — в душе, в темнице собственного черепа…» — думал Эрнест Пик.

— Не желаете ли чаю, сэр?

— Желаю, — кивнул Эрнест. — И еще приготовьте мне ванну, пожалуйста. А завтракать я буду здесь, наверху.

— Хорошо, сэр. Что вам приготовить из одежды?

С трудом встав с постели и про себя проклиная пробитую пулей коленную чашечку, из — за чего левая нога теперь практически не сгибалась, Эрнест посмотрел в окно, за которым сияло голубое небо, и пожал плечами:

— По — моему, как раз подходящий денек для легкой куртки и фланелевых брюк.

— Но, сэр!.. При всем моем уважении… Сегодня ведь воскресенье! Так что…

— Да какая к черту разница, что сегодня за

день! — взревел Эрнест и сразу почувствовал себя виноватым. — Извините, Тинклер. Снова у меня нервы на пределе. Сны еще эти дурацкие… Вы, разумеется, можете пойти в церковь, если хотите.

— Да, сэр, — прошептал Тинклер. — Спасибо, сэр.

Ожидая, пока принесут чай, Эрнест мрачно смотрел в окно на залитый солнцем пейзаж. Фамильная усадьба Уэлсток — Холл была, как и многие другие, во время войны превращена в сплошные огороды; та же ее часть, которую патриотически настроенный сэр Родрик, дядя Эрнеста, не пожелал видеть распаханной и покрытой ирригационными канавами, досталась сорнякам. Однако повсюду уже виднелись следы возвращения к обычной мирной жизни. Разумеется, нужного количества работников было не найти, однако пожилой мужчина и двое пятнадцатилетних подростков старались вовсю. Теннисный корт пока, разумеется, восстановить не успели, но лужайка перед домом была аккуратно подстрижена и украшена клумбами, на которых цвели крокусы. Да и вокруг дома многие клумбы, уже приведенные в порядок, пестрели яркими цветами. Из окна спальни Эрнесту был виден шпиль собора, хотя само здание и все

церковные постройки скрывала густая листва деревьев и кустарников; видел был лишь угол домика священника.

Когда — то пейзаж этот носил совершенно идиллический характер, и Эрнест частенько задавался вопросом: а что, если бы он провел свое детство здесь, а не в Индии, и учился бы в обычной школе, а не дома, у приходящих учителей? Дядя Родрик и тетя Аглая, своих детей не имевшие, неоднократно предлагали прислать племянника к ним, чтобы он «учился в нормальной школе», а каникулы проводил в Уэлстоке. Однако родители Эрнеста так и не согласились отослать его, и в глубине души он был им за это благодарен. Столь многое изменилось в Англии по сравнению с той далекой восточной и вряд ли подверженной сильным переменам страной, такой древней и медлительной, до которой, чтобы добраться, нужно было пересечь четверть земного шара! И теперь Эрнест гораздо больше жалел о том, что ему пришлось уехать из Индии.

Сегодня, впрочем, после пережитого ночью во сне ужаса и отчаяния даже вид столь любимого им купола мечети Кубла Хана вряд ли смог бы рассеять те мрачные тучи, что заволокли его душу, ибо душа его была столь же сильно искале-

чена войной, как и негнущаяся теперь нога.

Тинклер наконец принес чай. Поставив поднос на столик и намереваясь отправиться в ванную комнату, он спросил:

— У вас на сегодня уже есть какие — то планы, сэр?

Эрнест со вздохом отвернулся от окна. Взгляд его упал на складной мольберт, прислоненный к столу, пачку бумаги для рисования, коробку с акварельными красками и прочие атрибуты художника — любителя.

«Стану ли я когда — нибудь настоящим художником? — думал он. — Пусть хоть неважнецким? Говорят, кое — какие способности у меня есть… Но я, похоже, совершенно разучился видеть. Я вижу не тот мир, что находится передо мной, а то, что скрыто внутри него, за его пределами, его темную суть… Тайные ужасы…»

Помолчав, он сказал:

— Знаете, Тинклер, я, пожалуй, прогуляюсь и сделаю несколько набросков.

— Так может, мне попросить повара приготовить вам корзинку с ланчем?

— Да не знаю я! — Эрнест чуть не сорвался во второй раз и заставил себя сказать гораздо спокойнее: — Хорошо, я сперва позавтракаю, а потом

решу и скажу вам.

— Вот и прекрасно, сэр, — спокойно откликнулся Тинклер.

Приняв ванну, побрившись и одевшись, Эрнест, впрочем, едва прикоснулся к завтраку и теперь медленно брел через вестибюль к той двери, что вела в сад. Каждое, даже самое незначительное усилие требовало от него прямо — таки невероятных душевных затрат, а уж что касается принятия важных решений… Мрачно размышляя о том, что ведет себя в высшей степени невоспитанно по отношению к верному Тинклеру, который стал для него тем, чем не смог бы, наверное, стать и самый лучший друг, Эрнест уже готов был открыть дверь на террасу, когда зычный голос тети Аглаи остановил его, пожелав доброго утра.

Резко обернувшись и поскользнувшись на паркетном полу, он лицом к лицу столкнулся с теткой, с ног до головы одетой в черное: траур она носила со дня смерти мужа, сраженного инфлуэнцей[1] три года назад. В принципе, отведенный для обязательного ношения траура срок давно истек, но тетя Аглая явно решила уподобиться королеве Виктории, до смерти носившей траур

---

[1] Примечания: 1

Инфлуэнца (*итал.*) — грипп. (*Прим. ред.*)

по своему Альберту. В остальных аспектах, правда, ни малейшего сходства с королевой у нее не наблюдалось, да и принц Альберт, бывший, как известно, небольшого роста, вряд ли соблазнился бы пышным бюстом статной Аглаи, весьма сильно затянутым в корсет.

Но хуже всего было то, что взаимоотношения тети с окружающими стали столь же строгими и негнущимися, как и ее корсеты. Когда дядя Родрик был еще жив, а Эрнест несколько раз, получив отпуск на фронте, приезжал к ним отдохнуть, с теткой вроде бы еще можно было иметь дело; она способна была даже произвести неплохое впечатление, если не считать ее дурацкого снобизма, связанного с чрезмерно трепетным отношением к собственному статусу супруги владетельного аристократа. Теперь же она называла себя не иначе как хозяйкой замка Уэлсток — иначе говоря, считала себя официальной хранительницей не только своих владений, но и здешних законов, норм поведения и самой жизни «собственных вассалов». И Эрнест, разумеется, невольно оказался в их числе.

Он не успел ответить на приветствие тетки, ибо она продолжила:

— Между прочим, совершенно неподходящий

наряд для святой обедни!

Мрачная религиозность тоже стала одной из непременных составляющих ее нового облика. Она возобновила «семейные» моления, которые Эрнест скрепя сердце все же посещал, ибо «него-же показывать слугам, что между хозяевами существуют какие — то разногласия». Однако про себя он все это считал «полным дерьмом».

Через открытую в столовую дверь ему было видно, как горничная убирает со стола. И он, стараясь говорить как можно тише, чтобы не услышала девушка, вежливо сообщил «дорогой тете»:

— А я, между прочим, в церковь и не собирался, тетушка.

Она придвинулась ближе, горой нависая над ним:

— Молодой человек! Я достаточно натерпелась от вас по причине вашего якобы надорванного душевного равновесия! Однако вы начинаете испытывать мое терпение. Вы здесь уже целый месяц, и доктор Касл уверяет меня, что поправляетесь вы весьма неплохо. Надеюсь, в ближайшем времени вы все же сочтете нужным поразмыслить над тем, какое гостеприимство я оказываю вам и в каком неоплатном долгу вы, как и все мы,

впрочем, перед нашим Создателем!

Казалось, вся кровь разом отхлынула у него от лица; он прямо — таки физически ощущал, как побелели его щеки. Крепко сцепив пальцы — он был настолько взбешен, что, казалось, может и ударить эту лицемерную старую суку, — он скрипнул от злости зубами и едва слышно процедил:

— У меня нет и не может быть никаких долгов перед Богом, допустившим эту чудовищную, грязную войну!

И, прежде чем тетка успела обрушиться на него с обвинениями в богохульстве, он резко распахнул дверь и выскочил на залитое ярким солнечным светом крыльцо, забыв и шляпу, и трость, на которую всегда опирался при ходьбе.

В церкви звонил колокол. Один — единственный. И Эрнесту с его растревоженной душой этот звон показался похоронным.

— Мистер Пик, это вы? Погодите же, мистер Пик!

Голос был тихий, смущенный. Эрнест тряхнул головой, постепенно приходя в себя. Он стоял, опираясь о стену, отделявшую храмовый двор от домика священника. Колокол наконец звонить перестал. Прямо перед Эрнестом стояла тонень-

кая девушка. Широкие поля шляпы закрывали от солнца ее лицо. На ней было простенькое платьице из темно — серой материи — того же цвета, что и ее большие, полные тревоги глаза.

Хотя в данный момент Эрнеста больше всего занимал вопрос, не плакал ли он в полный голос — он знал, что с ним такое порой случается, — все же рука его машинально поднялась к полям несуществующей шляпы.

— Доброе утро, мисс Поллок, — выдавил он наконец. — Простите, если я вас напугал…

— Ничуть вы меня не напугали. Я просто решила тут прогуляться, пока дедушка доводит до ума свою проповедь.

Страстно желая стереть дурное впечатление, которое он, возможно, произвел на эту милую девушку, он пробормотал:

— Боюсь, вы уже догадались, что меня, к сожалению, в церкви не будет и послушать проповедь вашего дедушки я не смогу. Видите ли, я только что пытался объяснить своей тетке, что… потерял всякую веру в любящего, всепрощающего и всезнающего Бога, увидев, что Он позволил сотворить там, где я побывал!

Чувствуя, что бормочет нечто уж и вовсе несусветное, Эрнест умолк на полуслове, с удив-

лением и невероятным облегчением заметив, что мисс Поллок и не думает на него обижаться. Мало того, она сказала:

— Да, это я хорошо понимаю! Джеральд, мой жених, говорил примерно то же, когда приезжал в отпуск…

«Да! — подумал Эрнест. — О Джеральде я уже слышал. Убит в боях… под Камбре. Кажется, танкист».

Пока он мучительно подыскивал нужные слова, со стороны замка донесся скрип колес по гравию: это означало, что леди Пик собралась ехать в церковь в карете, хотя пешком могла бы добраться туда в два раза быстрее, ведь на карете приходилось делать довольно — таки большой крюк. Но, разумеется, тетя Аглая пешком ни за что бы не пошла!

Она также, безусловно, могла бы купить себе и автомобиль вместо кареты — впрочем, у дяди Родрика автомобиль имелся еще до войны, только она этого никогда не одобряла и не раз говорила, что была просто счастлива, когда их шофера призвали в армию и сэр Родрик велел ему ехать в Лондон на машине и там передать ее на нужды своего полка.

Мисс Поллок, глядя Эрнесту через плечо, за-

метила:

— Вот и ваша тетя отправилась в церковь. Мне, пожалуй, пора поторопить деда, а то он иногда теряет счет времени. Между прочим, я вот еще что хотела сказать: в теплую погоду мы любим пить чай в саду. Может быть, вы как — нибудь захотите к нам присоединиться? Мы были бы очень рады!

— Но я… Право, вы так любезны!.. — заикаясь, пробормотал Эрнест.

— И совершенно не нужно назначать визит заранее! В любой день, когда у вас выдастся свободный часок, просто попросите кого — нибудь из слуг сбегать к нам и сказать, что вы сейчас придете. Ой, вот теперь мне и правда пора бежать! До свидания, мистер Пик!

И она исчезла, оставив Эрнеста в тяжких раздумьях: он все пытался вспомнить, не разговаривал ли он сам с собою вслух, когда она его окликнула, а если разговаривал, то что именно говорил?

Как и всегда, здешние очаровательные окрестности и прелестный летний закат казались ему насквозь пропитанными некоей скрытой угрозой; угроза эта обычно представлялась ему в виде червей, кишащих в плодородной почве и способных размножиться настолько, что они запросто

могли начать пожирать и самих людей.

«Газовая гангрена, — думал он. — Только у меня ею поражена сама душа…»

Ратуша, церковь и дом священника располагались на вершине небольшого холма, а остальные дома деревушки рассыпались беспорядочно чуть ниже по склону того же холма, а также — соседнего. В былые времена многим, особенно детям и старикам, было весьма утомительно карабкаться в гору, чтобы попасть в церковь к святой обедне, и прихожане часто довольствовались тем, что добирались только до родника, с давних пор бившего у подножия церковного холма; считалось, что его воды обладают способностью очищать душу и смывать грехи.

В начале XIX века один весьма знатный аристократ велел устроить на месте этого родника крытый колодец, а рядом проложить удобную пологую тропу, ведущую к церкви. С тех пор это место стало называться «перекресток у Старого родника». Аристократ также велел посадить по обе стороны от крытого колодца два великолепных каштана. В их тени жарким летним утром собирались многие жители Уэлстока, чувствовавшие себя неловко в темных воскресных костюмах. Среди них, несмотря на прекрасную

погоду, редко теперь мелькало счастливое, улыбающееся лицо. Вот и сегодня — в который уж раз! — трагическая весть разнеслась по деревне: умер совсем еще молодой мужчина Джордж Гибсон, который воевал во Франции, был отравлен газами, попал в плен и не так давно вернулся домой. Да только вот вернулся он совсем больным. Все кашлял да кашлял и наконец выкашлял все свои легкие — умер, оставив жену и троих маленьких детей.

Жители деревни сидели, как всегда разделившись на две группы: слева женщины и малые ребятишки, справа отцы семейств, старики и весьма немногочисленные молодые парни. Ребятишки носились вокруг школьной учительницы, мисс Хикс, а женщины, сожалея по поводу смерти Джорджа Гибсона, вели привычный разговор о чересчур высоких ценах, о болезнях — в те дни любой скачок температуры у ребенка грозил второй волной страшной инфлуэнцы. Женщины обсуждали пришедшее в упадок хозяйство, свои жалкие дома, давно нуждавшиеся в ремонте, и редкую по нынешним временам предстоящую свадьбу — без особого, впрочем, оптимизма: уж больно время неподходящее, полагали они, чтобы любовью заниматься да детишек плодить.

Мужчины же, сидевшие поодаль, говорили о своем. Молодых мужчин в деревнях оставалось все меньше: из тех, что не попали на фронт, большая часть стремилась в города в поисках заработка и веселой жизни, да там и оседала. За спинами отцов маячили насупленные мальчишки — подростки; у них было уже достаточно сил, чтобы помогать семье, однако же проблемы старших их пока что совершенно не заботили.

В центре мужской группы всегда был Гирам Стоддард, кузнец и ветеринар, а также член местной крикетной команды — он обычно охранял воротца. Рядом с ним частенько сидел и его брат Джейбиз, хозяин гостиницы «Большая Медведица». Братья обменивались новостями с местными фермерами, среди которых был и самый богатый из них, Генри Эймс. Впрочем, местным он не считался, хотя давно уже перебрался в Уэлсток из соседнего графства и прожил в этой деревне более десяти лет. Правда, люди вели себя по отношению к нему и членам его семьи очень вежливо, но по — прежнему считали их чужаками. Во всяком случае, среди мужчин Генри Эймс был единственным, к кому все неизменно обращались «мистер Эймс».

Мужчины в отличие от женщин сохраняли

на лицах весьма мрачное выражение, даже беспечно болтая друг с другом. Сперва, впрочем, основной темой их беседы, как и у женщин, стали Джордж Гибсон и его несчастная семья. Затем они перешли к более насущным проблемам. В частности, они говорили о том, что катастрофически не хватает рабочих рук. Кстати, Джордж Гибсон был сельскохозяйственным рабочим и жил в коттедже, принадлежавшем леди Аглае. Простые землепашцы дружно затыкали рот тем «теоретикам», которые уверяли, что сельское хозяйство вскоре будет полностью механизировано, — ведь никто из этих крестьян (за исключением все того же мистера Эймса!) не мог себе позволить купить новую и дорогую технику, а лошадей во время войны погибло столько, что в ближайшее время восстановить лошадиное поголовье уж точно не удастся. Те же опасения относились и к остальным домашним животным: поголовье коров и овец также значительно уменьшилось, и не хватало рабочих рук, чтобы ухаживать за скотиной… Ох, и тяжелые времена наступили! Может, даже тяжелее, чем в войну. Кто — то вспомнил, что политики клятвенно обещали «готовые дома для героев», и эта острота была встречена ироническими смешками, в которых

явно недоставало веселья.

Желая несколько разрядить обстановку, Гирам повел речь о том, что лето нынче пришло рано, а это обещает хороший урожай сена. Упоминание о созревающих травах естественным образом привело к обсуждению сенокоса и расчистки совершенно заросшего крикетного поля, а это, в свою очередь, вызвало очередной приступ подавленного молчания: мужчины вспомнили, скольких игроков недосчитается теперь их команда.

Помолчав, Гирам с притворной бодростью вызвался:

— Что ж, придется мне после службы сходить к ее милости и попросить у нее на время газонокосилку. Кто со мной?

Четверо или пятеро, хотя и неохотно, все же откликнулись на его предложение. А вот когда был жив сэр Родрик, предложение это прозвучало бы для любого весьма заманчиво: сэр Родрик, конечно же, сразу дал бы газонокосилку, да еще и каждого угостил добрым кувшином пива — на прощанье. А вот иметь дело с ее милостью…

Словно читая мысли односельчан, старый Гаффер Тэттон проскрипел:

— Ох, и плохие ж времена настали! Ох, пло-

хие!..

Мужчины расступились, пропуская старика в центр своего кружка. Он опирался на толстую дубовую палку, которую вырезал себе, пока ревматизм не успел еще совсем изуродовать ему ноги и руки и согнуть крючком спину. В свое время Гаффер слыл искусным резчиком по дереву, плотником и колесным мастером. Но те дни давно миновали, и теперь он считал, что его мастерство вряд ли кому — нибудь понадобится, и любил повторять, что если в военное время почти все старались делать на фабриках, то и в мирное время по привычке станут поступать так же, а старые мастера вроде него останутся не у дел. Его мрачные предсказания, конечно же, в итоге сбылись, но в те дни кое — кто из молодежи и посмеивался у него за спиной. Однако большая часть жителей деревни с уважением относилась к этому мудрому старику.

Посмотрев вокруг затуманенным взором, Гаффер Тэттон промолвил:

— Да, тяжкие времена посланы нам во испытание! Только что ж удивляться? Ведь нынче как раз урочный год! В прошлый — то раз мы притворились, будто урочного года и не заметили! Так что теперь придется вдвойне отдуваться!

Отлично понимая, о чем он говорит, старшие мужчины беспокойно задвигались; по виду их было ясно, что им очень хочется сменить тему разговора. Когда же кто — то из парней, совершенно сбитый с толку словами насчет «урочного года», попросил разъяснений (мистер Эймс тоже явно обрадовался, что кто — то задал вопрос, так и вертевшийся у него на языке), то уже не только в глазах мужчин замелькала тревога, но кое — кто собрался и поспешил уйти прочь. Но Гаффера Тэттона не так — то легко было сбить с нужной темы.

— Первый раз это был 1915 год, — произнес он с нажимом. — Оно, конечно… война и все такое… И Она нас тогда простила, это точно. Да только в этот раз уж не простит! И ведь Она не раз нас предупреждала, неужто не заметили? Умер сэр Родрик! А его полноправный наследник… Нет, над ним точно проклятие тяготеет!

Кое — кто из собравшихся даже присвистнул. Всех огорчали печальные сведения о болезни мистера Эрнеста — эти сведения местные жители вытянули из его слуги, мистера Тинклера, имевшего привычку по вечерам заходить в «Большую Медведицу». Этот Тинклер, хоть и был «одним из Ланнонов» по рождению, оказался вполне

приличным парнем, знал великое множество всяких историй и анекдотов, а также обладал удивительной способностью выпивать немыслимое количество местного сидра.

И все же столько времени прошло с тех пор, как мистер Эрнест вернулся, а здоровье его по — прежнему пребывало в весьма плачевном состоянии!

— Хрупкий он очень! — как — то заметил мистер Тинклер и снова повторил, словно одобряя выбранное им определение: — Да, хрупкий! Таким трудно жить. У них, как говорится, душа тонкая, артистическая. Ясно вам? Для тех, у кого такая душа, это свойство — не то благословение, не то проклятие…

Вот и он произнес вслух слово «проклятие», хоть и вкладывал в него совсем не такой смысл, как Гаффер Тэттон…

Однако сейчас старик был охвачен порывом красноречия. И утверждая, что им надо только прихода священника и дождаться, вещал:

— Так ведь оно как положено? Ведь до Троицына дня рукой подать! И если мы не упросим святого отца благословить колодцы и источники…

Кашлянув, Гирам прервал старика:

— Мы, между прочим, говорили о том, что надо бы крикетное поле в порядок привести. И хотели после службы зайти к ее милости, чтобы…

Гаффер прямо — таки побагровел:

— А я думал, вас наши колодцы заботят! Неужто ж вы не поняли, что Она и есть одно из посланных нам несчастий? Что Она — это тоже предупреждение?

И многим показалось, что это действительно так; они бы, может, и вслух это высказали, да только тут как раз мимо проехала *ее* карета. Услышав целый хор голосов, произносивших: «Доброе утро, госпожа!», *она, то* есть леди Аглая, вышла из кареты, несколько раз благодарно и надменно кивнула в сторону снятых шапок и склоненных голов, а потом важно прошествовала вверх по дорожке, ведущей между могильными плитами к входу в храм.

Люди покорно двинулись следом.

Но проповедь священника они в тот день слушали плохо.

«А ведь они что — то припозднились с подготовкой крикетного поля», — подумал неожиданно Эрнест, когда бродил в окрестностях замка, пытаясь спастись от неотступных страшных видений.

Позабыв о том, что собирался заняться рисо-

ванием, он позволил ногам самим нести его. Обрывки воспоминаний о том, как однажды летом он приезжал сюда в отпуск с фронта, вдруг пробудились в его душе; вскоре он увидел крикетное поле, сейчас более всего похожее на обыкновенный лужок, хоть трава там и была, пожалуй, чуть покороче, чем жнивье на хлебном поле. Но для хорошего удара слева поле, конечно, совершенно не годилось.

На Эрнеста вдруг снова нахлынули воспоминания о прошлом. Ну да, конечно, беседка должна быть слева от поля… Вот и она! Когда — то зеленые, доски явно нуждаются в свежей покраске. Да и болтающаяся на одном гвозде дощечка с названием усадьбы выглядит убого, истерзанная зимними ветрами…

В душе поднялась давняя боль. Деревенской команде тогда не хватало отбивающего — его совсем недавно призвали в армию, — и они попросили Эрнеста сыграть за честь Уэлстока. Он согласился и отбил, наверное, мячей сорок — весьма неважнецки, надо сказать, посланных. Этого оказалось достаточно, чтобы сравнять счет, и в итоге Уэлсток даже выиграл, получив на два очка больше.

«Это была моя последняя игра в жизни!» — по-

думал он.

И, повернувшись к полю спиной, медленно побрел к дому, стараясь не заплакать.

По пути он заглянул в летний домик; там в водонепроницаемом сундуке хранились принадлежности для игры в крокет. Смутно вспомнилось собственное высказывание: «Крокет — практически самая активная из тех игр, для которых я отныне буду пригоден!» Как всегда готовый выполнить любую невысказанную команду, Тинклер уже вытащил колышки и разметил границы площадки.

Желая чем — нибудь занять время до ланча, Эрнест открыл сундук, вынул оттуда молоток и шар и стал бесцельно гонять шар по лужайке. Однако в голове его все время крутились обрывки недавнего разговора. К счастью, это не имело ни малейшего отношения в окопному аду. Однако звуки, доносившиеся из церкви, где шла служба, навели его на мысль об индуистских религиозных процессиях, о статуях божеств, вымазанных сливочным маслом «гхи» и увешанных гирляндами цветов, а отсюда было уже рукой подать до терпеливого Гуль Хана, носильщика его отца и отличного боулера, который чертовски ловко бросал мяч по калитке противника, играя в кри-

кет. В жаркое время года, в Симле…

— Ах, черт возьми! Какой смысл вспоминать все это! — прошептал он и с такой силой ударил молотком по шару, словно находился в гольф — клубе. Шар, врезавшись в стойку ворот, начисто снес их, выбив из мягкой торфянистой почвы. Эрнест швырнул вслед шару молоток, сердито повернул к дому…

И вдруг застыл как вкопанный.

По подъездной дорожке медленно поднимались к замку шестеро мужчин в черных костюмах и шляпах. Он узнал всех, хотя и не смог бы с уверенностью назвать их по именам. Точно он знал только одно имя: мистер Стоддард. Именно он, разумеется, шел во главе процессии, загорелый и немного флегматичный, капитан деревенской крикетной команды — единственной команды, на стороне которой Эрнест согласился бы играть…

И снова он, должно быть, невольно заговорил вслух, потому что тихий голос у него за спиной подтвердил:

— Совершенно верно, сэр. Это именно мистер Гирам Стоддард. Есть еще мистер Джейбиз Стоддард, но он занят: у него ведь гостиница «Большая Медведица», и ему пришлось пойти туда. — И

Тинклер прибавил немного смущенно: — Я вас заметил, когда мы выходили из церкви, так что извинился перед ее милостью и немного срезал путь…

— Спасибо, Тинклер. — Эрнест вдруг почувствовал себя чрезвычайно уверенно. — А вы представляете, что именно привело сюда этих людей?

— Совершенно не представляю, сэр.

— Не знаете, леди Аглая собиралась сразу вернуться домой?

— Нет, сэр. Она хотела сперва навестить семейство Гибсона.

— Да? Того бедолаги, который недавно умер? Хм! Один — ноль в пользу моей тетушки! Я и не думал, что она способна на подобное милосердие. Впрочем, она, возможно, считает, что *обязана б*ыть милосердной… Тинклер, что случилось?

— Это, конечно, не мое дело, сэр, однако…

— К черту экивоки, Тинклер!

Эрнест вдруг почувствовал, что задыхается. С чего бы это?

— Ну, раз вы настаиваете, сэр… — начал Тинклер, помолчав. — Нет, я, конечно, не могу с уверенностью утверждать, что визит миледи вызван исключительно благотворительными по-

буждениями… но я… — Последовало неуверенное покашливание. — Я заметил в ее глазах то, что можно было бы назвать светом надежды, сэр!

Эрнест остановился как вкопанный и резко обернулся к ординарцу.

— Так вы тоже это заметили? — вырвалось у него.

Тинклер посмотрел Эрнесту прямо в глаза и спросил:

— А вы когда в последний раз видели подобный блеск в глазах? У кого? — На этот раз он и не подумал прибавить «сэр».

— Так блестели глаза у того сумасшедшего генерала, который послал нас брать распроклятую высоту в…

— Нет, вы назовите это место! — Тинклер, пожалуй, уже приказывал. — Я не желаю помнить больше, чем помните вы! Он ведь погубил десять тысяч своим дурацким приказом! Мы с вами лишь чудом остались в живых… Да назовите же наконец это место!

— Мале… — Язык у Эрнеста вдруг стал тяжелым, точно гигантская пропитанная водой губка, и не желал повиноваться, не желал произносить нужное название. Эрнест проглотил застрявший в горле комок и буквально вытолкнул изо рта это

слово: — Маленхин!

— Да, это было именно там. И я надеюсь, что никогда больше не увижу этих мест, никогда! Но я должен… Нет, сэр, я все — таки пойду и выясню, чего они хотят.

— Погодите, Тинклер. Мы пойдем вместе.

И то, что проклятое слово само сорвалось с уст, странным образом принесло ему неожиданное облегчение. Эрнест оказался вполне способен должным образом поздороваться с мистером Стоддардом и его спутниками и спокойно вспомнить, о чем они говорили в прошлый раз. Когда они объяснили, зачем пожаловали в замок, он, конечно же, сразу пообещал им, что все будет в порядке, хотя в душе отнюдь не был так уж в этом уверен. Потом он стал расспрашивать их о видах на лето.

Деревенские переглянулись. А мистер Стоддард даже пожал плечами.

— Плоховаты у нас дела. Можно сказать, с самого начала войны. Правда, появилось несколько приличных игроков, да только им бы надо побольше тренироваться и почаще воротца защищать.

«Это что же, намек?» — мелькнуло у Эрнеста в голове.

И решив, что, видимо, так оно и есть, он заставил себя улыбнуться.

— Ну что ж, тут и я мог бы немного помочь, — предложил он. И с невольной горечью прибавил: — Хотя, боюсь, игрок из меня теперь никудышный. Разве что в крокет бы сыграл, да ведь для него партнеров не найти…

Потрясенный внезапно пришедшей ему в голову мыслью, он огляделся.

— Ведь вряд ли кто — нибудь из вас играл в крокет, верно?

Тревога мелькнула в глазах Тинклера, но Эрнест не обратил на него внимания и продолжал:

— А знаете, это ведь тоже очень хорошая игра. Особых физических усилий не требует. Правда, умение нужно большое. Если у вас есть несколько свободных минут, я вам покажу. Тинклер, не могли бы вы заменить вон те воротца и принести мне молоток и парочку шаров?

Впервые за несколько лет чувствуя странное возбуждение, Эрнест принялся посвящать деревенских в тайны этой игры: как вести шар к воротцам, как «убить» чей — то шар, как крокировать, как стать «разбойником». Он делал это с таким воодушевлением, что скованность его гостей постепенно растаяла, а самый младший

сказал:

— А знаете, мистер Эрнест, в такую игру и я бы сыграть не прочь!

— Ну и молодец! — воскликнул Эрнест. — И вот что я тебе скажу, я только что это вспомнил: я тут как — то бродил, приехав в отпуск, и в одном из флигелей наткнулся на целый склад сетей. Возможно, они все еще там. Или, может, у вас самих найдется достаточно сетей, чтобы оградить площадку и потренироваться?

— Нет, сэр! — тут же ответил Гирам Стоддард.

— Ну, раз так, давайте пойдем и…

Он услышал деликатное покашливание Тинклера. Карета ее милости уже подъезжала к дому.

— Ага! Вот и тетя! Что ж, прекрасно! Заодно и о газонокосилке договоримся. Тетя! Тетя Аглая!

Спустившись на землю с помощью своего грума и кучера Роджера, который был еще слишком юн для призыва в армию, леди Аглая уставилась на племянника каменным взором.

— Вы богохульствуете в святую субботу, Эрнест! — рявкнула она.

— Что? Ах, вы об этом! — Эрнест взмахнул крокетным молотком. — Вовсе нет. Я всего лишь объяснял этим людям основные правила игры в

крокет, надеясь, что когда — нибудь они смогут сыграть со мной.

С тем же успехом он мог обращаться к скале. Миссис Пик прошла мимо племянника, будто не слыша его слов.

— А что, собственно, эти… люди… делают здесь? — оглянувшись, спросила она.

— О, они всего лишь пришли попросить взаймы газонокосилку. Чтобы привести в порядок крикетное поле. Дядя Родрик всегда…

— Молодой человек! Вашего дяди Родрика, увы, больше нет с нами! И когда, прости меня Господи, они собираются использовать это… устройство?

Гирам как снял шляпу, так и вертел ее в заскорузлых пальцах. Но ответить все же решился:

— Да мы хотели сегодня и начать, ваша милость.

На лице леди Аглаи появилось торжествующее выражение.

— Значит, все вы, как и мой племянник, тоже нарушители заповедей! Сегодня день седьмой, святая суббота, день богоустановленного покоя! В этот день нельзя делать никакую работу! Нет, я не разрешаю вам взять мою газонокосилку — ни сегодня, ни в другой день. Возвращайтесь же в лоно своих семей и молитесь о прощении и

спасении ваших душ!

И она торжественно удалилась.

— Вы уж простите меня, мистер Стоддард, — обратился к кузнецу юный кучер Роджер, — да только вы ведь сами знаете, какая она! Конечно, людям не больно нравится на нее работать! Верно ведь? Хотелось бы мне посмотреть, какое у нее будет лицо, если я ей возьму да и скажу в субботу: «Нет, ваша милость, не могу я везти вас в церковь, Господь не велит в этот день работать!»

Эрнесту на мгновение показалось, что Гирам вот — вот одернет юнца, скажет, что у него еще молоко на губах не обсохло, но Гирам почему — то ничего подобного не сказал.

— Право, мне очень жаль… — пробормотал Эрнест. — Я и не думал, что она может так разозлиться… Как же вам теперь быть?

— Ничего, скосим поле по старинке, сэр. Хотя мужчин — то в деревне немного осталось, особенно тех, кто еще способен с косой как следует управляться. А ведь выкосить поле для крикета — это особое искусство, «умирающее», как говорит наш Гаффер Тэттон. Вы уж нас извините, сэр, только нам лучше поторопиться и поскорее в «Большую Медведицу» заглянуть, пока оттуда все не разошлись. Там и поглядим, кто у нас еще для

такой работы сгодится.

— Постойте! Я тоже с вами пойду! Вот только шляпу и трость возьму! Роджер, предупреди, пожалуйста, на кухне, что я к ланчу опоздаю!

И Эрнест, прихрамывая, поспешил к дому, а крестьяне вопросительно уставились на Тинклера. Тот колебался. Но через некоторое время все же сказал:

— Господин наш, конечно, не совсем «комильфо» себя ведет, верно? Да только сердце у него там, где нужно. Голова, правда, немного не в порядке, но это пройдет. Особенно если ему удастся отстоять свои права перед ее милостью. Это, может, как раз ему и нужно, чтобы окончательно выздороветь. В общем, я тоже с вами пойду. Заодно и за ним присмотрю.

После его слов крестьяне вздохнули с облегчением. Но кое — какие сомнения у них все же остались.

Изумленное молчание воцарилось под низким деревянным потолком питейного зала «Большой Медведицы», когда завсегдатаи харчевни увидели, кто решил присоединиться к их компании, и разговор возобновить не спешили. Только Гаффер Тэттон в своем излюбленном углу у камина продолжал что — то ворчать, как ни в чем не

бывало.

Во всяком случае, ничего особенного в том, что в харчевню пожаловал «молодой хозяин», он явно не видел.

Наконец Гаффер перестал ворчать по поводу недостаточно сильного огня в камине, не способного согреть его старые кости, и принялся за другую тему, волновавшую его не менее сильно — а может, и не его одного. Он говорил о том, что забыты древние ритуалы, с чем, по его словам, и были связаны все их теперешние несчастья. Для начала Гирам предпринял серьезную попытку отвлечь внимание гостя от речей старика и повел Эрнеста прямо к стойке бара, где еще раз представил ему своего брата Джейбиза, владельца этой гостиницы, и некоторых других жителей деревни, в том числе даже мистера Эймса.

Узнав, в чем проблема, Джейбиз от души воскликнул:

— Ну, сэр, поскольку вы впервые почтили мою харчевню своим присутствием, позвольте мне выразить вам свое уважение да поднести стаканчик! Чего желаете выпить?

Эрнест неуверенно огляделся. В последние несколько минут настроение у него существенно упало; он злился на себя за то, что тетка снова взя-

ла над ним верх, и теперь, в этой непривычной обстановке, среди людей, которым в его присутствии тоже явно было не по себе, он совершенно растерялся и вопросительно глянул на Тинклера, который вкрадчивым тоном предложил:

— Могу рекомендовать вам сидр мистера Стоддарда, сэр. Он сам его делает.

— С удовольствием отведаю! — тут же согласился Эрнест.

— Что ж, спасибо за рекомендацию, мистер Тинклер, — улыбнулся хозяин харчевни и потянулся к кувшину с сидром. — Позвольте и вам налить немного сидра.

И стоило ему повернуть крышку на кувшине, как все в зале снова загудели и прерванная беседа плавно полилась с того же места, на котором была прервана. Но вскоре мирный гул стал стихать: по залу быстро распространились дурные вести насчет неудачной попытки одолжить газонокосилку, и атмосфера стала довольно мрачной.

Гирам Стоддард пригласил своих спутников присесть. С некоторым опозданием заметивший их появление и явно полагавший, что пойти сегодня следовало в церковь, а не в пивную, Гаффер Тэттон все же незамедлительно потребовал у них отчета о принесенных новостях.

— В общем, косилку она нам не даст, — громко и отчетливо сообщил ему Гирам. — Придется за косы взяться!

Гаффер несколько смущенно возразил:

— Нельзя косить, когда наступает пора украшать колодцы! Никакой техникой пользоваться нельзя — природа обидится!

— Я что — то не совсем понимаю, о чем он, — осмелился признаться Эрнест.

— Ох, да не берите вы это в голову, сэр! — воскликнул Гирам. — Наш Гаффер просто помешан на всяких старинных обычаях.

— Но он выглядит искренне огорченным, — возразил Эрнест.

И Гаффер действительно был огорчен, хотя кто — то уже поспешил снова наполнить его кружку. Голос старика прямо — таки зазвенел, точно у проповедника на собрании, и, несмотря на все попытки утихомирить его, Гираму в конце концов пришлось все же объяснить гостю, в чем тут дело.

— Видите ли, сэр, — Гирам вздохнул, — в прежние времена, еще до войны, аккурат между Вознесением и Троицей у нас тут отмечали один… местный…

— Праздник! — подсказал кто — то из глубины

зала. — Священный обряд отправляли!

— Точно, обряд. Вот это правильное слово. Спасибо… — Он огляделся, поискав в зале подсказчика, и удивленно промолвил: — Мистер Эймс! В общем, мы тут кое — что украшали, картины разные делали — из цветов, листьев, ольховых шишек и тому подобного, а потом эти картины относили к источникам и колодцам.

— И к тому колодцу, что под горой, пониже церкви, — настойчиво напомнил кто — то.

— Да, и на перекресток у Старого родника. В три места, в общем. — Гирам пальцем оттянул воротник, словно тот вдруг стал ему чересчур тесен. — А потом мы обычно просили священника пойти и благословить колодцы.

Гаффер слушал теперь очень внимательно, наклонившись вперед и зажав кружку с пивом в обеих руках, а потом с готовностью закивал, подтверждая слова Гирама:

— Ага! И каждый седьмой год…

— Каждый седьмой год, — громко перебил его Гирам, — мы еще и вроде как пир устраивали. Жарили барана или свинью и угощали всех, не забывая стариков и тех, кто по болезни дома остался.

— На мой взгляд, прекрасная традиция, — ис-

кренне признался Эрнест, глядя кузнецу прямо в глаза. — И что же? Неужели вы перестали ее соблюдать?

— Ну да, перестали. Как война началась, так и перестали.

— Но почему?

Повисла неловкая пауза. И поскольку никто больше не выразил желания ответить на этот вопрос, Гирам Стоддард взял эту обязанность на себя.

— Священник — то наш рассказывал, что традиция это языческая, только переделанная на христианский лад. Впрочем, сам я в этих делах ничего не смыслю. Но, осмелюсь сказать, священника — то нашего ничуть этот обряд не смущал.

— Ну да! Вот неизвестно только, что ее милость скажет? — Джейбиз из — за стойки угодливо поглядывал на Эрнеста.

Старший брат в его сторону только глазами сверкнул, но сказать ничего не успел. Крепкий сидр подействовал на Эрнеста довольно сильно, поскольку после контузии и ранения он крайне редко употреблял алкоголь. А кроме того, он практически ничего не ел со вчерашнего дня.

Осушив кружку до дна, он изрек:

— Вы были правы, Тинклер: сидр просто заме-

чательный! Принесите — ка мне еще. А также — и мистеру Стоддарду, и мистеру… Да нет, всем! Почему бы нам не выпить всем вместе? Вот! — И Эрнест вытащил из бумажника несколько крупных банкнот.

Тинклер, хотя и неохотно, но все же кивнул Джейбизу, а Эрнест между тем продолжал, повернувшись к Гираму:

— Не понимаю, почему вас волнует отношение моей тетки к этому обряду? Какая разница, что она по этому поводу думает! Скажите, а как к обряду украшения колодцев дядя Родрик относился?

— Он — то? Хорошо относился! — буркнул Гирам.

— Истинная правда! — подтвердил кто — то. — Вспомните — ка, ведь он, даже если у него гости были, всегда их приглашал вместе с нами к колодцам пойти! Или сам приходил попозже. А он многих приводил — с фотоаппаратами всякими и прочими штуками!

Старшие мужчины дружным хором подтвердили эти слова.

Тинклер вернулся к столу с полными кружками и шепнул Эрнесту:

— Вот, сэр, пожалуйста, угощайтесь!

Тот отпил добрый глоток и отставил кружку в сторону. Теперь разговор захватил его целиком.

— Ну что ж, если главная ваша проблема заключается в том, чтобы уговорить священника, то тут я по крайней мере мог бы словечко замолвить. Дело в том, что мисс Поллок приглашала меня на чай, вот я и затею разговор на эту тему. Вы не возражаете?

По их лицам он понял, что они ничуть не возражают, а Гирам громогласно воскликнул:

— Очень даже великодушно с вашей стороны, сэр! А нам, по — моему, не мешало бы выпить за здоровье нашего мистера Эрнеста!

Эрнест рассеянно поблагодарил, выпил вместе со всеми, вытер губы и снова принялся задавать вопросы. Еще одна вещь очень его заинтересовала.

— А что это за… украшения или картины, о которых вы упомянули?

— Да разные библейские истории, — добродушно ответил Гирам.

— И все они имеют отношение к воде? Например, хождение по воде, Иона и кит и так далее?

Оказалось, что нет. Посетители загудели; их головы закачались в знак несогласия. Теперь уже почти все они сгрудились возле их стола, и ста-

рый Гаффер тут же громко пожаловался, что ему ничего не видно, но на него никто и внимания не обратил.

— Нет, просто мы брали любую историю из Библии, какая понравится. Хотя, конечно…

— Да?

— Картины — то эти в основном придумывал один человек… Только он уж теперь умер…

— То есть один конкретный человек обычно придумывал для вас все сюжеты подобных картин?

— Точно так, сэр. Мистер Фабер. И скончался он от того же недуга, что и ваш бедный дядюшка, только на год раньше.

— И с тех пор никто не сумел ничего столь же интересного и красивого придумать! — послышался чей — то жалобный голос.

Эрнест колебался. Он быстро глянул на Тинклера, надеясь получить какую — то подсказку, ибо это уже вошло у него в привычку, но лицо Тинклера было на удивление спокойным и непроницаемым. Мало того, он искусно делал вид, что не замечает вопросительных взглядов молодого хозяина. Охваченный внезапным раздражением, Эрнест одним глотком допил остававшийся в кружке сидр и вынес решение:

— Если вам не покажется это излишней самонадеянностью, то я хотел бы признаться… Тинклер!

— Да, сэр?

— Вы ведь болтали тут обо мне, верно?

— Видите ли, сэр… — Тинклер бросил на него скорбный взгляд. — Я рассказал этим людям не больше, чем требовалось для соблюдения элементарной вежливости, уверяю вас.

— Не волнуйтесь, старина! Я всего лишь хотел выяснить, знают ли они, что я немного умею рисовать. В том числе и красками.

— Да, сэр! Это они, конечно же, знают!

— Ну тогда что ж… — Эрнест окончательно собрался с духом. — Вы не против, если я предложу вам парочку собственных идей?

На лицах присутствующих явственно отразились сомнения, смешанные с восторгом. Гаффер Тэттон снова пожаловался, что ему ничего не видно, и кто — то наклонился к нему и стал терпеливо объяснять. Возникшее было замешательство прервал именно старый Гаффер. С трудом поднявшись на ноги, он воскликнул:

— Не отказывайтесь от этого предложения! Вспомните: сейчас уже идет седьмой год, и если мы не сделаем все как надо, то Она…

Отдельные голоса несогласных потонули в

возгласах всеобщего энтузиазма.

— Как же это распрекрасно с вашей стороны, сэр! — громко восхитился Гирам.

Итак, все было решено.

Чувствуя, как в крови его снова разгорается то странное возбуждение, которое он уже испытывал несколько ранее, Эрнест спросил:

— Вы, кажется, говорили, что кто — то фотографировал эти картины… эти украшенные колодцы и источники?

— Точно, сэр.

— Значит, я мог бы посмотреть хотя бы несколько таких фотографий, чтобы получить, так сказать, общее представление о… Тинклер, я что — нибудь не то сказал?

— Сэр, я заметил, что люди начинают посматривать на часы. Наверное, пора расходиться. Может быть, нам следовало бы спросить, не ждут ли их домой, к обеду?

По обступившей их толпе пронесся вздох облегчения, и Эрнест, крайне смущенный, поднялся.

— Простите! — воскликнул он. — Я совсем позабыл о времени!

— Что вы, сэр! За что же вам прощения — то просить? — возразил Гирам. — Хотя… кое — кого здесь действительно дома ждут. А что касается

фотографий… Джейбиз! — Тот оглянулся на брата. — У нас ведь тоже вроде бы где — то такой альбом был? Ну, с теми фотографиями?

— Да, где — то валялся. Я непременно постараюсь его разыскать, мистер Эрнест!

— Вот и прекрасно! — воскликнул Эрнест. — А я поговорю со священником. Тинклер, вы не знаете, куда я задевал свою шляпу? Ах, вот она! Спасибо. Ну что ж, всего хорошего, джентльмены!

После того как дверь за гостями захлопнулась, довольно долго стояла полная тишина. Наконец всеобщие чувства выразил Джейбиз:

— Вот это действительно настоящий джентльмен! И нас тоже джентльменами называет! Так и сэр Родрик себя вел.

— Зато ее милость — совсем не так! — мрачно заметил Гирам.

И компания, отпуская язвительные шутки в адрес хозяйки замка, стала расходиться. Но тут вдруг раздался громкий возглас мистера Эймса:

— Эй, погодите минутку!

Все головы разом повернулись к нему.

Распахнув пиджак и сунув большие пальцы рук в проймы жилета, мистер Эймс смотрел на них чуть ли не с вызовом.

— Раз вы готовы принять помощь от мистера

Эрнеста, — сказал он, — то, смею надеяться, примете ее и от меня. У меня есть поросенок, которого я откармливал для ярмарки в Манкли… Я прожил в здешних местах достаточно долго и знаю, — он бросил взгляд на Гаффера, — какое значение вы придаете празднику украшения колодцев. Надеюсь, вы позволите мне подарить этого поросенка деревне по случаю дня Святой Троицы?

В харчевне на несколько минут воцарилась полная тишина, исполненная неуверенности. Тишину нарушил все тот же Гирам Стоддард. Подойдя к Эймсу, он протянул ему руку и воскликнул:

— Сказано не хуже, чем у мистера Эрнеста! Джейбиз! Налей — ка напоследок еще по одной: *за Генри!*

— О чем это они? — сердито спрашивал у всех Гаффер Тэттон.

Когда наконец ему все растолковали и сообщили также, что Гирам обратился к мистеру Эймсу *по имени*, Гаффер просиял.

— Вот именно это я всегда и твержу! — воскликнул он. — Поступайте с Ней как полагается, и Она тоже вам воздаст честь по чести! А может, уже и начала воздавать…

Когда они вернулись в замок, Тинклер настоял,

чтобы Эрнест хоть что — нибудь съел, и принес ему в летний домик холодного мяса, хлеба и маринованных овощей. Леди Пик, как всегда днем, удалилась в спальню и прилегла отдохнуть, так что ее «дорогой племянник» избежал упреков по поводу отсутствия за столом во время ланча.

Все еще страшно возбужденный, Эрнест даже с набитым ртом говорил без умолку; его необычайно потрясло то, что в современной английской деревне сохранился столь ранний дохристианский обряд. Он попросил Тинклера непременно сходить в домик священника и передать мисс Поллок, что он хотел бы воспользоваться ее любезным приглашением прямо сегодня. Понемногу выпитый сидр и сытый желудок сделали свое дело, и Эрнест, чувствуя непреодолимую сонливость, в конце концов пробормотал, что неплохо было бы вздремнуть, и действительно заснул. Очень этим довольный, Тинклер быстренько отнес поднос на кухню и отправился выполнять поручение хозяина.

Однако, вернувшись назад менее чем через полчаса, он обнаружил Эрнеста опять бодрствующим и полным прежней мучительной нерешительности. Когда Тинклер передал ему приглашение к чаю в четыре пополудни, он страшно встре-

вожился.

— Нет, Тинклер, все бесполезно! — бормотал он. — Я не гожусь для переговоров. Вам придется снова сходить туда и извиниться. Как я могу в чем — то убеждать священника? Я ведь не верю в его Бога! А из — за этого могу невольно и оскорбить его…

— Нет, сэр, что вы!

— А что? — Эрнест сердито воззрился на Тинклера. — Вы ведь прекрасно знаете, Тинклер, что я, черт возьми, гроша ломаного не дам за его дурацкие фокусы в церкви!

— Знаю, сэр. Но, судя по тому, что произошло сегодня, я уверен, что вам бы очень хотелось сохранить некоторые старинные обычаи. Как и мистеру Поллоку, между прочим.

— Но мистер Стоддард сказал…

— Он, видимо, ошибается. Когда я был у мистера Поллока, то позволил себе упомянуть об этом в присутствии миссис Кейл, его домоправительницы. Она ведь местная. Очень любезная дама, смею заметить! Так вот, по ее словам, если бы все зависело только от мистера Поллока, то никаких препятствий для возрождения обряда не возникло бы.

Медленно и как — то вяло слова Тинклера про-

никали в душу Эрнеста. Наконец он сказал:

— То есть моя дорогая тетушка в очередной раз оказалась той самой ложкой дегтя в бочке с медом?

— Похоже на то, сэр.

— Хм… — Эрнест посмотрел в сторону дома, на задернутые занавесками окна тетушкиной спальни. — В таком случае… Хорошо, Тинклер. Постараюсь держаться как можно смелее и увереннее. Но вы тоже со мной пойдете. И как следует выспросите обо всем миссис — как вы сказали? Кейл? Да, миссис Кейл. И если я все испорчу, то, возможно, вам в следующий раз удастся найти более удачный подход к священнику.

Эрнест отвернулся от теткиного дома и посмотрел на деревенские дома, утопавшие в зелени.

— По — моему, это вполне приличные люди! — пробормотал он негромко, словно размышляя. — И мне бы не хотелось, чтобы у них были из — за меня неприятности…

— Добрый день, мистер Пик, — приветствовал его священник. На носу у него сидели очки, лицо было изборождено глубокими морщинами; двигался он немного скованно из — за застарелого артрита, однако его голос звучал вполне твердо. — Очень рад, что вы смогли нас навестить.

Прощу вас, садитесь.

Эрнест неловко сел на предложенный ему стул. Стол был накрыт в тенистой беседке, и мисс Поллок, улыбаясь, спросила, какой чай он предпочитает — индийский или китайский? — и подала ему блюдо с печеньем и маленькими бутербродиками с рыбным паштетом.

Впрочем, улыбка ее отчего — то показалась Эрнесту вымученной, и его снова одолели сомнения. Еще на подходе к дому священника он почувствовал, что нервы опять изменяют ему, и хотел было повернуть назад, но Тинклер сделал вид, что его не слышит, и даже не обернулся; пришлось взять себя в руки и догнать его.

— Нет, вы просто представить себе не можете, как я рад вашему визиту! — воскликнул старый священник, вытирая губы большой белой салфеткой. — Я… видите ли… мне давно хотелось побеседовать с вами.

«Интересно, на какую тему?» — подумал Эрнест и внутренне весь напрягся.

Неужели и здесь его будут упрекать за то, что он не ходит в церковь? В таком случае, разумеется, лучшая форма защиты — это нападение. И он решил начать первым:

— Вы знаете, падре, — в армии «падре» было

расхожим словечком, обозначавшим капеллана, и сорвалось с его языка машинально, — мне ведь тоже очень хотелось кое — что обсудить с вами. Очевидно, деревенские жители…

Однако договорить он не успел: в разговор вмешалась мисс Поллок; глаза ее смотрели встревоженно.

— Если не возражаете, мистер Пик, — тихо заметила она, — пусть сперва дедушка выскажет свои соображения. Кстати, они касаются вашей тетушки.

— Да, конечно… — пробормотал Эрнест. — Простите!

— Что? Как вы сказали? — переспросил старик, поднося к уху ладонь. — Боюсь, в последнее время я стал неважно слышать.

Не обращая на деда внимания, мисс Поллок продолжала уже сердито:

— Вы уже слышали, что она теперь надумала?

Это звучало тревожно, но Эрнест покачал головой:

— Боюсь, что еще нет, мисс Поллок. Если честно, я в последнее время стараюсь с ней не встречаться.

— Это же просто стыд и позор! — Мисс Поллок даже ногой под столом топнула.

Дед успокоительным жестом похлопал ее по руке, но она сбросила его руку и воскликнула:

— Прости, дедушка, но молчать ты меня не заставишь! То, что она собирается сделать, это… это не по — христиански!

Старик вздохнул.

— Да, это как минимум немилосердно, должен признаться… Но мистер Пик, похоже, не понимает, о чем мы, собственно, говорим, дорогая. Не правда ли, мистер Пик?

Девушка резко повернулась к Эрнесту:

— Вы слышали о смерти несчастного Джорджа Гибсона?

— Да, конечно.

— Вы знаете, что он работал в поместье вашей тетушки? Хотя, если честно, работник он был никакой — он ведь газами был отравлен…

Эрнест молча кивнул: это ему тоже было известно.

— А вы знаете, что Гибсон оставил жену и троих детей?

Он снова кивнул.

— Ну так вот: сэр Родрик в своем завещании специально указал, что Гибсон может жить в своем домишке до конца дней своих, потому что был ранен на войне. А теперь, когда Гибсон умер, ва-

ша тетя собирается вышвырнуть его несчастную вдову с детьми на улицу! И сегодня она сообщила об этом миссис Гибсон, дав им всего одну неделю на сборы.

— Но это же просто отвратительно! — воскликнул Эрнест. — С чего это она вдруг?

Старый священник слегка кашлянул, но девушка не обратила на его предупреждение никакого внимания.

— Младший сын миссис Гибсон родился в марте тысяча девятьсот девятнадцатого, — сказала она с вызовом.

Эрнесту не сразу удалось связать это с поведением тетки. Но вскоре он догадался, что означает названная дата, и медленно проговорил:

— Видимо, вы хотите сказать, что ее младший ребенок не от мужа?

— А как он мог быть от мужа? Ведь Гибсон был с семнадцатого года в плену! — Мисс Поллок наклонилась к нему, пытливо вглядываясь в глаза. — Но ведь сам — то Гибсон ее простил! И обращался с ребенком, как со своим собственным, — я сама это видела! Так почему же ваша тетя не может вести себя так же милосердно? Что дает ей право выносить миссис Гибсон «моральный» приговор? Почему она заставляет

несчастную женщину в недельный срок искать себе новое пристанище да еще грозит ей судебным приставом?!

Произнося эту тираду, мисс Поллок буквально задыхалась от гнева. Эрнест невольно восхищался тем, как прелестно в эти минуты ее возбужденное лицо. В первые встречи она показалась ему девицей довольно — таки невзрачной, покорно существующей в тени собственного деда. Но сейчас на щеках ее пылал румянец, а голос звенел от праведного гнева.

Помолчав немного, он тихо промолвил:

— «И тот, кто обидит малых сих…»

С неожиданной сердечностью священник прервал его:

— Я узнал от Элис, что вы один из тех несчастных, которые из — за войны утратили веру в Господа, но должен заметить, что и мне в данную минуту пришли на ум именно эти слова! Отношение вашей тети к происходящему родственно тем ветхозаветным пристрастиям, которые Господь заменил впоследствии проповедью любви и всепрощения. И с тех пор мы не считаем правильным, что грехи отцов должны пасть и на детей их и что дети — то и должны страдать больше всех.

«Боже мой, да разве эта война — не следствие

того, что грехи отцов пали на детей, превратив их в пушечное мясо?» — с горечью подумал Эрнест.

Однако он подавил желание высказать это вслух и, помолчав, промолвил:

— Боюсь, мое влияние на тетю Аглаю не слишком велико, но я тем не менее постараюсь сделать все, что будет в моих силах.

— Спасибо вам! — искренне поблагодарила его Элис, снова наклоняясь вперед и накрывая своей тонкой рукой его руку. — Спасибо большое! Хотите еще чаю? И расскажите же наконец, что вы хотели обсудить с нами?

— Ну, видите ли… — Эрнест довольно неуклюже изложил свои соображения и заметил, что старый священник допил чай и с задумчивым видом протирает очки краешком салфетки.

— Да — да, — промолвил он, — в деревне действительно очень серьезно относятся к празднику украшения колодцев. И я, по правде сказать, не вижу в том большого зла, хотя в основе этого действа и лежит чисто языческая традиция. Но, впрочем, и празднование Рождества и Нового года — тоже традиция языческая, приуроченная к римским сатурналиям.

— Неужели украшение колодцев — такой древний обряд?

— О да! И некогда весьма широко распространенный, хотя Уэлсток, пожалуй, остался единственным местом в западных краях, где он еще сохраняется. Точнее, до сих пор сохранялся. Наибольшее число сторонников этого культа ныне проживает в Дербишире; там обряд украшения колодцев отправляют жители нескольких деревень. Естественно, природа данного действа существенно изменилась. Исходно этот праздник представлял собой обряд жертвоприношения — и, честно говоря, человеческого жертвоприношения! — главному божеству вод. Римляне знали ее как Сабеллию, однако это было искажением гораздо более древнего ее имени. Эта богиня считалась также воплощением весны и ассоциировалась, как того и следовало ожидать, с плодородием растений и животных. В том числе… хм… и такого животного, как человек…

— Но вы все же не видите препятствий для того, чтобы местные жители продолжали отправлять этот обряд? — Эрнест не сумел скрыть своего удивления.

— Ну, во — первых, в нынешние времена он в достаточной степени обезврежен, если можно так выразиться, — с тонкой улыбкой ответил священник. — И почти наверняка деревенские

жители понятия не имеют, что некогда с этой красивой церемонией было связано поклонение языческой богине. Я, во всяком случае, никогда не слышал, чтобы они упоминали ее имя. Хотя они по — прежнему называют ее «Она», но местоимения в местном диалекте имеют до некоторой степени взаимозаменимый характер; по — моему, в самом худшем случае они ассоциируют ее с Пресвятой Девой Марией. Это, разумеется, отдает этакой мариолатрией[2], чего я как священнослужитель одобрить, разумеется, не могу, но в этом по крайней мере нет никаких языческих ассоциаций.

— А мне это представляется даже довольно забавным, — заметила Элис. — Помню, еще девочкой я вместе с другими ходила от одного колодца или источника к другому… И картины, которые делал мистер Фабер, казались мне исполненными такого глубокого смысла! А ведь эти мозаичные изображения собирали из всяких кусочков, обломков, веточек, лепестков… Дедушка! — Она повернулась к старику. — По — моему, у мистера Пика прекрасная идея! Давай и мы с тобой вмешаемся и настоим на том, чтобы

---

[2] Примечания: 2
Мариолатрия — культ Девы Марии. (*Прим. ред.*)

в этом году возобновили праздник украшения колодцев!

— Что до меня, то я полностью в вашем распоряжении! — с энтузиазмом воскликнул Эрнест. — И вы, я надеюсь, простите мне, если я скажу, что моя тетя, несмотря на всю ее внешнюю набожность, никак не может служить — в моих глазах по крайней мере…

— Примером человека, истинно верующего, так? — мягко закончил за него священник. — Увы, мой дорогой, и я больше уже не могу воспринимать ее как истинную дочь Церкви. На мой взгляд, простые крестьяне с их безыскусным стремлением устроить праздник в честь чуда воды, которая необходима для нашей жизни даже больше хлеба насущного, обладают куда большей верой, чем леди Пик способна поместить в своей душе. Если, конечно, — прибавил он, словно упрекая себя в недостаточном милосердии, — милостивый наш Господь не даст ей сил увидеть бревно в собственном глазу… В общем, мистер Пик, вы меня совершенно убедили! — И старик раскрытой ладонью так шлепнул по столу, что чашки зазвенели, и тут же озорно подмигнул Эрнесту. — Мы с вами заключим сделку, хорошо? И оба бросим вызов леди Пик! Я объявлю, что с

этого года возобновляется праздник украшения колодцев, а вы сделаете все возможное, чтобы спасти семейство Гибсонов от принудительного выселения.

«И это будет очень нелегко…» — мелькнуло у Эрнеста в голове, однако он уже с готовностью протягивал викарию руку.

— Решено, падре! Такая игра стоит свеч!

После чая Элис предложила проводить его до калитки. Он уже хотел было сказать, что в этом нет никакой необходимости, когда вдруг понял, что ей хочется поговорить с ним о чем — то еще, но так, чтобы не слышал дед.

И когда она объяснила ему, в чем дело, он был просто потрясен.

Они, собственно, уже готовились проститься, когда она вдруг схватила его за руку.

— Мистер Пик… или, может быть, я могу называть вас просто Эрнест? А вы можете звать меня Элис… впрочем, вы уже знаете мое имя.

— Пожалуйста, называйте меня так, как вам нравится, — смущенно пробормотал он.

— Хорошо, Эрнест. Значит, вы заступитесь за миссис Гибсон? Ведь то, что с ней случилось… так понятно! Это могло случиться во время войны с любой женщиной! Даже, например… — Она

остановилась и, выпрямившись как тростинка, посмотрела ему прямо в глаза. — Например, со мной!

— Вы хотите сказать…

— Да. Я была любовницей Джеральда. И сейчас я сама отвечу вам на тот вопрос, который вы хотите задать: нет, я не чувствую себя падшей женщиной! Ни чуточки! И я очень рада, что помогла ему стать настоящим мужчиной, прежде чем его жизнь так внезапно оборвалась… Я, кажется, вас шокирую? Прошу прощения, коли так.

Эрнест смотрел на нее, словно впервые. На лице ее он читал пренебрежение и отвагу. Он заметил, как мучительно стиснуты ее пальцы, и вспомнил, как дрожал ее голос, когда она признавалась в своем «падении». И неожиданно для себя услышал собственный голос:

— Что вы, Элис! Вы ничуть меня не шокировали, правда! И честное слово, я уверен в одном: вашему Джеральду здорово повезло в жизни!

— Спасибо вам, — шепнула она, рывком приблизилась к нему, быстро поцеловала в щеку и бросилась к дому.

— Погодите! — крикнул Эрнест.

— Нет, сейчас не могу!

— Но я забыл предупредить своего приятеля

Тинклера… Пожалуйста, передайте ему, что я вернулся в замок!

— Конечно передам! До свидания!

Эрнест шел домой, и в душе у него бушевала целая буря чувств. Но самым сильным из полученных впечатлений было то, что ему удалось (да еще в доме священника!) встретить женщину, которая обладала куда большим мужеством, чем иной мужчина.

Собрав всю свою волю в кулак, он заставил себя быть вежливым с теткой; за обедом он непринужденно болтал с ней — во всяком случае, пока в столовой находилась прислуга — о своем визите к священнику (что несколько смягчило леди Аглаю), о красоте местных пейзажей и о своем неопределенном пока желании написать несколько картин. Он, правда, не смог удержаться от довольно абстрактных замечаний по поводу плачевного состояния сельских общин, но успешно избежал прямых намеков на семейство Гибсонов и на теткин отказ одолжить газонокосилку деревенской крикетной команде. И лишь когда в гостиную был подан кофе и они остались с тетей наедине, он решился затронуть первую из тем.

Самым спокойным и благоразумным тоном

он заметил, что, как ему показалось, и старый священник, и особенно мисс Поллок весьма обеспокоены судьбой несчастной миссис Гибсон и ее малолетних детей.

Однако при упоминании этой фамилии лицо леди Пик стало твердым и холодным, как мрамор.

— Очень буду признательна, дорогой, если вы никогда впредь не станете затрагивать эту тему. Упомянутая вами женщина — страшная грешница, и ее необходимо наказать!

— Но тетя! Ведь дети же не виноваты…

— Молчите, сэр! Обязанностью знатных и авторитетных лиц является забота о соблюдении их подопечными всех христианских ценностей. Именно этим я и занимаюсь!

«Господи, да какой смысл говорить с ней? — в отчаянии думал Эрнест. — Ну что ж, я по крайней мере попытался это сделать».

— Хорошо, тетя, я все понял, — сказал он, снова взяв себя в руки. — А теперь прошу вас извинить меня: мне еще нужно кое — что сделать.

— Сделать?

— Да, сделать. — И Эрнест решительно отставил в сторону пустую чашку. — Я сегодня узнал массу интересных вещей, и, в частности, мне

рассказали о замечательной церемонии украшения колодцев. В этом году ритуал решено возобновить, и я вызвался подготовить для него несколько эскизов. — Он поднялся и, слегка кивнув тетке, направился было прочь.

— Никаких картин ты писать для этого не будешь! — прогремел ему вслед теткин голос. — Это же чистейшее язычество!

— Вы так думаете, тетя? — Эрнесту казалось, что сердце у него вот — вот выпрыгнет из груди, но голос его не дрогнул. — А вот наш священник придерживается иного мнения. Вообще — то он считает, что этот обряд с течением лет был практически полностью христианизирован. А сюжеты тех картин, которые я собираюсь писать, основаны исключительно на библейских мотивах. Всего хорошего, тетя, желаю вам приятно провести вечер. Впрочем, вряд ли мы успеем еще увидеться перед сном, так что заодно и спокойной ночи.

И Эрнест поспешно вышел за дверь, чтобы не становиться свидетелем нового взрыва бешенства со стороны леди Аглаи.

Но поднявшись к себе и достав из папки первый чистый лист бумаги, он вдруг обнаружил, что мысли его столь же пусты и чисты, как этот лист.

Он представил себе, каково сейчас несчастной миссис Гибсон — сидит себе одна в своем домишке, стоящем на отшибе, а вокруг, наверное, плачут дети, и ни она, ни они не знают, будет ли через неделю у них крыша над головой… Эрнест по — прежнему сидел без движения, держа в вялых пальцах карандаш и погрузившись в глубокую задумчивость, когда к нему вошел Тинклер. Верный слуга собирался перетряхнуть и перестелить хозяину постель, выложить на подушку пижаму и приготовить очередную порцию валериановой настойки. Подойдя к окну, чтобы задернуть шторы, Тинклер сочувственно спросил:

— Не хватает вдохновения, сэр?

Сердито отшвырнув карандаш, Эрнест поднялся и стал мерить шагами комнату.

— Вот именно! — пробурчал он. — Сперва всяких идей было вроде бы полно. Например, можно было изобразить сцены из жизни восточных уголков Империи на основе притчи о трех волхвах. Когда я жил в Индии, родители однажды привели меня в церковь — это было в Гоа, а гоанцы утверждают, что были обращены в христианство самим апостолом Фомой… А еще я видел христианскую службу в Сингапуре и в Гонконге. Я, правда, был тогда совсем ребенком, но хорошо

помню всякие интересные подробности. Но это все — таки… ну… не то, что ли! — И он бессильно рухнул в кресло. — Вот вы, Тинклер, куда больше меня общались с местными жителями. Может, у вас какие — нибудь идеи есть?

Несколько мгновений Тинклер колебался. Потом сказал:

— Надеюсь, это не слишком самонадеянно с моей стороны, сэр…

— Прекратите немедленно, Тинклер! Переходите к делу!

— Хорошо, сэр. Вам не кажется, что в Новом Завете есть и куда более подходящие к данной ситуации истории? Например, «О женщине, взятой в прелюбодеянии»[3]?

Несколько минут Эрнест сидел, точно громом пораженный. Затем щелкнул пальцами и вскричал:

— Конечно! И о Марии Магдалине… и о той женщине, что встретила Иисуса у колодца! Вы попали в самую точку, Тинклер! Посмотрите, нет ли на столике у кровати Библии? Есть? Передайте мне ее, пожалуйста. Спасибо, дорогой мой.

Исполнив его просьбу, Тинклер спросил:

---

[3] Примечания: 3

Евангелие от Иоанна, 8, 4–11; здесь Иисус говорит знаменитые слова: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». (*Прим. перев.*)

— Что — нибудь еще, сэр?

— Хм?.. Да… нет… не сегодня. Вы можете ложиться спать.

— Благодарю вас, сэр. Спокойной ночи.

И Тинклер исчез, так и позабыв задернуть шторы, хотя подобная забывчивость была ему совершенно не свойственна.

Когда часы на церкви пробили половину двенадцатого, вокруг Эрнеста валялось уже по крайней мере штук десять набросков. Поскольку он пока не видел ни обещанных фотографий, ни самих произведений мистера Фабера, то и не был уверен, насколько приемлемыми окажутся его собственные идеи, но в глубине души был убежден: они подойдут, они будут поняты! Тем более что на заднем плане каждой из будущих картин он придумал поместить некую высокую даму с гордо поднятой головой, явно напоминавшую его тетку. Сперва он хотел изобразить ее лицо достаточно четко и сделать его как можно более похожим. Но, вспомнив, как сложно лепить из глины столь мелкие детали, решил, что лучше будет обозначить ее присутствие всем знакомой горделивой позой и тем, что она, как всегда, повернулась спиной к чужому несчастью и ко всем, нуждающимся в ее помощи. Ведь именно это и

было здесь самым главным!

Зевая и потягиваясь, Эрнест собрал рисунки, отложил их в сторону и встал, собираясь задернуть шторы. Но, взглянув в окно, он так и застыл на середине комнаты.

За деревьями, что окаймляли левую половину сада, разливалось красное зарево.

Сперва он решил, что пожар ему просто померещился. Но потом, присвистнув, воскликнул:

— Господи, да там же дом горит!.. Тинклер! Тинклер! — И одной рукой схватив со спинки стула свою легкую куртку, он стал другой рукой яростно дергать за шнурок звонка.

Своего ординарца он встретил на лестничной площадке — Тинклер был в одной ночной рубашке, заспанный, и ничего не понимал. Эрнест принялся торопливо объяснять ему:

— Поскорее одевайтесь да разбудите кучера и скажите, чтоб поднял на ноги всех, кого сможет! В Уэлстоке ведь, кажется, есть пожарная машина, да?

— Нет, сэр. По — моему, пожарников приходится вызывать из соседней деревни.

— В таком случае скажите людям, чтобы захватили с собой ведра и лестницы. Да, пожалуй, стоит разбудить и доктора Касла: там, возможно,

есть пострадавшие.

— А где пожар — то, сэр? — спросил сонный Тинклер.

— Вон там! Да вы и сами увидите. Все, я побежал к священнику: нужно позвонить в колокол… В чем дело, Тинклер?

— Но с этой стороны замка есть только один дом, сэр. Это дом миссис Гибсон.

— Отчего это вы подняли такой адский шум? — послышался суровый глас леди Пик, высунувшейся в приоткрытую дверь спальни.

— Пожар, тетя! Дом горит, и Тинклер говорит, что это дом Гибсонов!

Он не мог видеть, какое у тетки сейчас лицо, но вполне мог себе это представить, услышав, как она с торжеством сказала:

— Так! Значит, это кара Господня!

— *Что?!* — Не справившись с гневом, Эрнест бросился к двери в ее спальню, но Тинклер успел схватить его за руку.

— Нужно подать сигнал тревоги, сэр… Церковный колокол! Это очень важно!

— Да — да, вы правы! Остальное может подождать. Но недолго… Ох, недолго ей ждать!

И разъяренный Эрнест кубарем скатился по лестнице, выбежал в ясную весеннюю ночь и

помчался через сад к дому священника. Здесь уже чувствовался удушливый запах гари и слышались отдаленные крики.

Эрнест долго кричал и стучался в дубовую дверь, пока наконец не разбудил какую — то женщину средних лет, настроенную весьма решительно и с кочергой в руках. Должно быть, это и была та самая миссис Кейл, о которой ему говорил Тинклер.

Распоряжения Эрнест отдавал так четко, словно опять поднимал своих солдат в атаку: сперва вы сделаете это, потом то, потом придете туда — то, ибо там понадобится ваша помощь. Потом он бросился в сторону пожарища, с трудом продираясь сквозь колючие кусты и подлесок и старательно срезая путь. И уже на бегу услышал, как с колокольни донесся неровный звон колокола.

Пожар, по всей видимости, начался в неисправном камине — дым в основном валил именно оттуда. Впрочем, теперь уже вовсю пылала и тростниковая крыша. Возле дома, заплаканные и перепуганные, стояли трое кое — как одетых детишек. Но где же их мать?.. Наконец Эрнест увидел и ее — за распахнутой дверью горящего дома; она во что бы то ни стало старалась спасти хоть что — то из своих жалких пожитков и в эту

минуту как раз бросилась к двери с целой охапкой всякого барахла, кашляя и задыхаясь от дыма и гари. Слезы ручьем текли из ее покрасневших глаз. И на ней не было ничего, кроме грязной ночной рубашки.

Эрнест бросился к ней, закричал, что в дом ей ходить нельзя, что сейчас рухнет крыша, но она, казалось, не слышала и снова ринулась в горящее помещение. Ему пришлось силой вытащить ее наружу, хотя она всячески сопротивлялась, пытаясь высвободиться и горестно причитая.

— Я поднял тревогу! — кричал он ей. — Помощь близка! Позаботьтесь лучше о детях!

И в ту же минуту у него за спиной послышался треск веток: кто — то первым поспешил им на подмогу. Эрнест обернулся, до слез благодарный тому, кого в темноте принял за юношу, и крикнул:

— Поищите где — нибудь лестницу! Придется передавать ведра с водой по цепочке, пока не приедет пожарная машина! А кстати, где здесь можно набрать воды? Элис?.. Это вы?

Да, это действительно была Элис — в брюках, старом свитере и грубых башмаках на толстой подошве. На фронте он часто встречал женщин в брюках или бриджах, но с тех пор, пожалуй, ни

одной не видел в мужской одежде и уж никак не ожидал увидеть в провинциальном Уэлстоке даму в подобном костюме. Эрнест даже немного растерялся и не сразу избавился от растерянности, когда появились и другие помощники. Освещенные сумрачным заревом пожара, люди сбегались со всех сторон, таща ведра и бесценные лестницы.

— Я позабочусь о ней и о детях, — сказала Элис. — Уведу к нам, успокою. А вы постарайтесь все как следует организовать здесь. Там, за домом, есть насос.

Ее хладнокровие отрезвило Эрнеста; скачущие галопом мысли несколько успокоились. Он стал быстро и четко отдавать приказания. К тому времени, как пожарная машина загрохотала наконец по разбитой дороге, ведущей к дому Гибсонов, они успели настолько пропитать водой уцелевшую часть тростниковой крыши, что она так и не загорелась, а юный кучер Роджер, несмотря на густые клубы дыма и пара, первым забрался на крышу и принялся оттуда гасить пылающие ставни.

Поняв, что пожарные уже подключили брандспойт, Эрнест наконец очнулся и понял, что глаза его полны слез. Отчасти это было, конечно, вызва-

но едким дымом, но в основном его потрясла та трагедия, которая постигла и без того несчастную невинную семью.

— Теперь уже можно пойти и немного передохнуть, — послышался рядом с ним чей — то тихий голос. — Господи, вы и так просто чудо сотворили! Без вас тут все уже давным — давно бы сгорело.

Он поднял затуманенный взор и увидел перед собой Элис. И заметил, что не только он, но и все прочие добровольные помощники смотрят на нее. На некоторых лицах было написано явное неодобрение: «Внучка священника? В брюках? Ужасно!»

Он прямо — таки слышал, как эти слова произносит тетя Аглая. Вдруг ему вспомнились слова Тинклера насчет странного блеска в глазах леди Пик… А где, кстати сказать, сам Тинклер? Впрочем, вон он, разговаривает со Стоддардами.

— Я больше не желаю жить под одной крышей с этой особой! — вырвалось вдруг у Эрнеста. — Знаете, что она сказала, когда я сообщил ей, что горит дом миссис Гибсон? Она сказала, что «это кара Господня»!

— Вам вовсе не обязательно возвращаться домой, — тихо ответила Элис. — Во всяком случае, сегодня. Я могу устроить вас в одной из наших

гостевых комнат. И приготовить вам ванну. Вам она очень понадобится.

И тут Эрнест впервые заметил, что с головы до ног покрыт копотью и сажей.

И измучен до изнеможения.

— Хорошо, — пробормотал он. — Спасибо. Только скажите Тинклеру, ладно?

Странно, но в течение тех нескольких часов, что еще оставались до утра, он впервые за несколько лет спал совершенно спокойно и его не мучили те ужасные сны.

Было уже совершенно светло, когда он, открыв глаза, обнаружил, что лежит на узкой кровати в небольшой комнатке под самой крышей и на нем — о, Господи! — абсолютно ничего нет. Он стал мучительно вспоминать. Элис, извинившись за то, что ей не хочется беспокоить деда, который уже снова лег, и искать у него в шкафу чистую ночную рубашку, подала ему огромное полотенце и предложила просто завернуться в него, когда он выйдет из ванной. Видимо, он так и поступил…

Но, пока он спал, кто — то все же неслышно прокрался в его комнату: на стуле, выстиранные и аккуратно сложенные, лежали его брюки и рубашка, а под стулом поджидали вычищенные сапоги.

«Да благословит тебя Господь, Тинклер!» — благодарно подумал Эрнест и почувствовал, что буквально умирает от голода.

Он быстро встал, оделся, привел себя в порядок и пошел вниз, с трудом угадывая нужное направление в переплетении коридоров, переходов и лестниц старинного дома. Впрочем, довольно скоро ему удалось добраться до прихожей, где он и столкнулся со старым священником.

— Доброе утро, молодой человек! Насколько я понял из рассказа Элис, вы вчера отменно потрудились!

Эрнест, страшно смутившись, пожал плечами:

— Просто я, видимо, оказался единственным, кто в столь поздний час еще не спал. И пожар я заметил чисто случайно.

— Будучи священником, — тихо возразил ему мистер Поллок, — я обычно стараюсь не прибегать к таким понятиям, как «чистая случайность»… Между прочим, семейство Гибсонов — как вам, должно быть, приятно будет узнать — сегодня уже пребывает в добром здравии и рассудке; за ними присматривает миссис Кейл. Но о них мы поговорим позже. А сейчас, пожалуй, вам неплохо бы и позавтракать?

— Сейчас приготовлю! — раздался веселый

голос Элис, и она тут же появилась в одном из дверных проемов.

Выглядела она на удивление свежей, особенно если учесть сегодняшнюю бессонную ночь. На ней было коричневое платье, такое же простое, как и предыдущее, серенькое, и Эрнест никак не мог понять, как это он — пусть на мгновение — мог принять ее за юношу, даже если она и была в брюках.

— Вам совершенно не стоит беспокоиться, — запротестовал он. — Тинклер прекрасно может…

— Тинклер пошел за вашими вещами, — сказал мистер Поллок.

Эрнест уставился на него непонимающим взглядом, и священник пояснил:

— Надеюсь, вас не огорчило это известие, мистер Пик? Но… вы, по — моему, выразили решительное нежелание возвращаться в дом вашей тети?

— Я… Ну, да, в общем, я, кажется, так и сказал.

— По всей видимости, ваша неприязнь носила взаимный характер, ибо первое, что мне принесли сегодня утром, это записку от ее милости, где говорилось примерно следующее: если я по — прежнему вынашиваю планы возобновить «языческий ритуал украшения колодцев», то

она сообщит об этом епископу и потребует для меня соответствующего наказания; она полагает также, что я впутываю в это дело и вас, тогда как ваша душа и без того уже пребывает в опасности, ибо ей грозит проклятие Господне, а участие в отправлении языческих обрядов ставит крест на ее последней надежде спасти вашу душу. К счастью, — и священник весело улыбнулся, — мне случайно известно, что наш епископ такой же большой любитель старины, как и я сам. А кроме того, я давно уже предупредил его о своих намерениях «возродить этот языческий обряд». И, честно говоря, очень надеюсь, что в данной ситуации он будет на моей стороне.

— Вы должны простить нас, Эрнест, — вмешалась Элис, — за то, что мы взяли на себя смелость по — своему перестроить вашу жизнь. Хотя бы на время. Мы, правда, посоветовались с мистером Тинклером, и, надо сказать, наши мнения полностью совпали. Мы полагаем, что для вас сейчас самое лучшее — спокойно сосредоточиться на эскизах для будущих мозаичных картин и пожить пока здесь, а не в замке. Вы ведь не будете слишком сильно возражать, правда?

— Да разве я возражаю?! — вырвалось у Эрнеста. — Господи! Я бы все на свете отдал, лишь бы

навсегда покинуть это… логово Медузы Горгоны! У меня просто слов не хватает, чтобы выразить, как я вам благодарен!..

— А сегодня утром, — промолвил священник, — у многих в Уэлстоке не хватало слов, чтобы выразить свою благодарность вам, друг мой. Элис, дорогая, ты, кажется, обещала накормить мистера Пика завтраком?

— Конечно! Сейчас! Идемте со мной, Эрнест!

Перемены, произошедшие в жизни Эрнеста с той ночи, были столь огромны, что во все это ему верилось с трудом. Около полудня к нему явилась целая делегация деревенских депутатов — иными словами их и назвать было нельзя, уж больно решительно и официально они были настроены, — под предводительством Гирама Стоддарда (который прежде всего извинился за своего брата, который по причине чрезвычайной занятости не смог присутствовать), Генри Эймса, со вчерашнего дня наконец — то ставшего полноправным членом деревенской общины, и Гаффера Тэттона, неустанно повторявшего, что если бы его заставили остаться в такой день дома, то это было бы куда хуже самого жестокого приступа ревматизма. Похоже, Гаффер приходился Гибсонам каким — то дальним родственником.

«А может, — подумал Эрнест, пожав плечами, — они все тут родственники?»

«Депутаты» передали ему кучу благодарностей от жителей деревни, и каждый произнес по торжественному «спичу», что было довольно нелепо, поскольку у священника в гостиной было всего восемь человек, считая самих гостей. Но все выступавшие явно испытывали к нему самые добрые чувства, так что он изо всех сил постарался показать, что в высшей степени гордится столь высокой оценкой своих скромных усилий, и быстренько перевел разговор на более интересную для него тему. Тинклер принес готовые наброски, и Эрнест, вытаскивая рисунки из папки, неуверенно продемонстрировал их собравшимся.

— Я, конечно, еще не видел фотографий, сделанных вашим братом, мистер Стоддард, — сказал он, — но, может быть, и кое — что из этого нам пригодится? Вы и сами видите, — он вспомнил и сознательно повторил замечание, сделанное Тинклером, — что эти рисунки в некотором смысле отражают недавние события, имевшие место в Уэлстоке…

Однако они поначалу никакой связи с «недавними событиями» не улавливали. И вдруг Гаффер

Тэттон, стукнув палкой об пол, воскликнул:

— Прямо в точку, сэр! И ведь мы в Ее честь украшаем источники, верно? Она должна быть довольна. Тем более что на всех ваших рисунках изображены дамы, так, сэр?

Эрнест уже собрался как бы между прочим — и уж не слишком ли легкомысленно? — пояснить, что слово «дама» вряд ли годится для такой личности, как Мария Магдалина, но вдруг понял, что в данной ситуации это прозвучало бы неестественно. Лица у всех были сурово — серьезны, и они качали головами в знак согласия со словами Гаффера Тэттона.

— Ну что ж, сэр, к концу недели мы вырежем рисунки на досках, — сказал Тирам. — И глину замесим. Вот только не могли бы вы сказать, какие краски вам будут нужны, чтобы можно было заранее отправить детей собирать подходящие цветы, камешки и прочую мелочь?

— Честно говоря, над этим я пока не думал, — признался Эрнест, — но в целом…

И он еще минут пятнадцать с упоением объяснял, какие цвета хотел бы видеть на всех композициях.

Только когда они все ушли, он вдруг заметил одну весьма существенную деталь, странным

образом встревожившую его.

Центральная фигура на всех трех эскизах удивительно походила — так, во всяком случае, казалось ему — на Элис Поллок!

Как это сказал Гаффер Тэттон насчет того, что Она, конечно же, будет довольна?.. Но у него — то самого, оказывается, была на уме совсем другая «она»!

И снова его охватили привычные сомнения. На этот раз, впрочем, он довольно быстро отогнал их, сохранив убежденность в том, что в данный момент, по крайней мере, делает нечто нужное и полезное для других.

— Вам, возможно, приятно будет услышать, — сказал ему за ланчем священник несколько дней спустя, — что выселить Гибсонов из дома будет, видимо, не так просто, как полагает леди Пик.

Эрнест, старавшийся как можно реже вспоминать о своей тетке и как можно больше думать об украшении колодцев, вдруг словно очнулся.

— Начальник пожарной службы, присутствовавший на пожаре, подал рапорт, копию которого я прочел нынче утром, — продолжал мистер Поллок. — Там сказано, что камин в коттедже давным — давно не ремонтировался, хотя подобный ремонт не входит в обязанности арендатора и

починкой его обязан заниматься землевладелец. Правда, большая часть имущества Гибсонов безнадежно погибла, но один из моих племянников — он солиситор[4] — сообщил мне, какие открываются возможности, если должным образом подать прошение о финансовой компенсации…

— Вы хотите сказать, что Гибсоны могли бы отсудить какую — то компенсацию у моей тетки? — Эрнест не верил своим ушам.

Семейство Гибсонов пока что разместилось в конюшне священника, и это было вполне терпимо в теплую погоду, однако же проживание в конюшне, безусловно, могло быть только временным.

— По — моему, легче выжать кровь из камня! — вздохнула Элис. — Но попробовать стоит.

— А вот я как раз хотел спросить, — воскликнул Эрнест, — простите, что из другой оперы: какова была реакция епископа на ее жалобу?

Мистер Поллок хитро прищурился, подмигнул, и взгляд его вновь стал спокойным.

— Боюсь показаться тщеславным, дорогой друг, — неторопливо начал он, — но я, думается, знаю тех, кто поставлен надо мною, несколько

---

[4] Примечания: 4

В Англии — поверенный по делам, стряпчий или же прокурор. (*Прим. ред.*)

лучше, чем ее милость. И кроме того, мои знания принципов церковной доктрины, похоже, также более глубоки… Между прочим, епископ даже спросил, как это я допустил, чтобы такая интересная старинная традиция столь долго пребывала в забвении…

— О да, «Она будет довольна!» — прошептал Эрнест.

— Простите?

— Нет, ничего… ничего особенного. Я просто процитировал слова одного из деревенских жителей. Одного из тех, с кем советовался насчет украшения колодцев. Между прочим, я совсем не уверен, что эти люди совсем позабыли о главной языческой богине вод… Но эту тему мы могли бы обсудить и в другой раз. А теперь прошу вас, напомните мне, в какой день у нас Вознесение, а в какой — праздник Святой Троицы. Вернувшись в Уэлсток, я совершенно утратил счет времени.

— Вознесение будет в следующий четверг, — подсказала Элис.

— Правда? Тогда мне лучше поторопить их!

— Не нужно, — сказал священник.

— Простите, но…

— Я сказал, не нужно. — Старик улыбнулся. — Для них слишком многое связано с этим

праздником, и они относятся к выполнению всех заданий с должной ответственностью. Так что все будет готово точно в срок, это я вам обещаю.

В тот же вечер, гуляя с Элис после обеда по саду, Эрнест впервые осмелился поцеловать ее. А в воскресенье пришел в церковь на службу и сел рядом с девушкой, испытывая неизъяснимое удовольствие от тех гневных взглядов, которые бросала на него тетка и на которые он не обращал ни малейшего внимания.

Однако же Эрнест успел заметить злобный огонек, блеснувший в глазах леди Пик, и спина у него похолодела от ужасных предчувствий.

Источники, привлекшие внимание первых здешних поселенцев, правильнее было бы, пожалуй, назвать родниками.

Первый из них в настоящее время, впрочем, вполне мог называться «колодцем», поскольку был окружен каменной стеной и накрыт железной крышей, хотя и насквозь проржавевшей; вот только у этого «колодца» не было ни ворота, ни ведра на цепи.

Второй колодец разочаровал его еще больше: вода из этого источника поступала по трубе к колонке на центральной площади Уэлстока и, также по трубам, в некоторые отдельные дома.

Лишь дома, стоявшие совсем на отшибе — вроде дома Гибсонов, — не имели в достатке холодной воды.

Что же касается третьего колодца, некогда снабжавшего водой ближайшую к замку часть деревни, то от него и вовсе не осталось никаких следов, кроме выложенного плитами мостика, который был когда — то через него перекинут и от которого начиналась дорога к церкви.

Были и еще два колодца — на территории самого замка и возле дома священника, — но ими, разумеется, жители деревни никогда не пользовались. Да и украшать их на Троицу никто не решался.

Опираясь на палку и невольно подражая своему хромому провожатому, Гафферу Тэттону (которого, если честно, Эрнест порой почти не понимал), он решился заметить:

— Трудно даже представить себе, что когда — то здесь был колодец, правда?

— Ага! Да только тут он! — сразу оживился Гаффер. — И пожалуйста, сэр, не подходите слишком близко! Помнится, в прошлый — то раз крышка на нем была прочная… Да только теперь там небось плесени полно и травы всякой… — Гаффер ткнул в основание колодца своей палкой. — Самый

глубокий из всех был! Когда — то мы его здорово прочистили и стенки черепицей выложили.

— Черепицей?

— Сейчас ее, конечно, не видать, но там она, точно. Я сам ее класть помогал. Я тогда еще совсем мальчишкой был. Видел, как мастера ее кладут. Мне — то всего несколько штук положить доверили, ага. Зато раствор был крепкий! Самый лучший! Наш мистер Говард этот колодец — то строил. А все ж таки верно, что в природе ничто не вечно… Не вечно, стало быть, да? И хоть мы тут в прошлые годы не раз то одно, то другое подправляли… Но Ей — то все равно, Она в наших заботах не особо нуждается.

Очень осторожно Эрнест осведомился:

— А Она — это кто?

— Да всякое говорят, сэр… Это очень старые сказки. Мы их зимой у очага рассказываем. А в такой прекрасный денек, как нынче, к чему всякую ерунду слушать… Мне вот что интересно, сэр: как вам показалось, правильно они ваши рисунки изменили, чтоб удобнее было на досках вырезать?

— Я думаю, правильно. И вообще у вас в деревне куда больше талантливых людей, чем вы сами готовы в этом признаться, — честно отве-

тил Эрнест. — По — моему, я вам и не нужен был вовсе. Вы бы и сами могли что — то не хуже меня придумать.

— Ах, сэр! — Гаффер Тэттон остановился, тяжело опершись о палку, и посмотрел своему спутнику прямо в глаза. — Вот тут — то вы и ошибаетесь. Вы уж меня простите, но именно вы нам и были нужны!

И прежде чем Эрнест догадался, *что и*меет в виду этот старик, Гаффер уже вытащил из кармана свои старые часы.

— Эх, зря тратим время, сэр! Она — то людей ждать не станет, всем это известно.

— Минутку! — воскликнул Эрнест. — Когда вы сказали «Она», вы имели в виду…

— Я вам ничего больше не скажу, сэр, — проворчал старик. — Есть такие, кто верит, а есть и те, кто не верит. Но если бы вы прожили в Уэлстоке столько же, сколько я…

— Мне это вовсе не обязательно, — сказал Эрнест.

Теперь уже удивился Гаффер.

— Я правильно вас понял, сэр? — растерянно спросил он.

— Надеюсь, что да. — Эрнест отступил на пару шагов назад и посмотрел на четкий черный

силуэт замка на фоне ярких небес. — Она может быть доброй, но Она может быть и жестокой, верно, Гаффер?

Старик совсем растерялся. Но вскоре, впрочем, взял себя в руки и отыскал нужные слова.

— Я знал! — выкрикнул он. — Нельзя было нарисовать такие рисунки, если…

— Что? Что «если»? Продолжайте же! — нетерпеливо потребовал Эрнест.

— Эх, да не мне вам объяснять, сэр! Вы и так все знаете, а остальное только вы сами должны найти и понять. Как и все мы. Только вот что я вам скажу, сэр: вы напали на верный след! А теперь прощайте. Доброго вам дня!

— Как ты думаешь, что он имел в виду? — приставал Эрнест к Элис вечером после обеда.

— А что, если он имел в виду природу? — предположила она.

— Возможно, хотя…

— Персонифицированную природу, разумеется. Ты намекнул, что не веришь дедушке, когда тот утверждал, что все здешние жители совершенно позабыли об истоках обряда украшения колодцев.

— Да, ты, пожалуй, права, — согласился он. — Люди ведь всегда называют природу матерью.

Мать — природа, так? Но, несмотря на это…

— Ну?..

Он глубоко вздохнул.

— Живя здесь, а не в замке и отлично помня все, что сказала и сделала моя тетка, я все же никак не могу поверить в то, что Она может быть и жестокой.

— Ты ведь говоришь не о своей тетке, верно? — спросила Элис.

— Нет, не о ней.

— Однако же и она являет собой некий аспект женского начала…

— Я не могу воспринимать ее подобным образом!

— Ну а как же тогда быть с Кали?.. С Кали Дурга?

Застигнутый врасплох, он спросил:

— А ты откуда знаешь о Кали?

— Из дедушкиных книг, разумеется. Ты вырос в Индии, в таких местах, где я никогда не бывала и, по всей вероятности, никогда не буду. Но ведь это совсем не секрет, что я хотела бы побольше знать о тебе. Вот я и начала копаться в книгах. У деда полно всяких старинных книг, посвященных миссионерской деятельности в других странах… Скажи, ты когда — нибудь присутствовал на об-

ряде в честь богини Кали?

— Нет, и скорее рад этому!

— А я думаю, мне это было бы очень интересно… Если, конечно, за происходящим наблюдать издали… Но ты согласен со мной? В том отношении, что миллионы людей в Индии гораздо ближе к первобытной культуре, чем мы, — во всяком случае, мы так считаем, — и они отлично понимают, что природа может быть и жестокой, и доброй.

— Да, конечно. Но если ты думаешь об украшении колодцев…

— Каждый седьмой год во время этого праздника совершалось человеческое жертвоприношение. Так дедушка сказал. А в этом году мистер Эймс жертвует свинью. Ты когда — нибудь слышал, как визжит свинья, когда ее режут? Ох, не надо было мне так говорить!.. Я все время забываю, потому что ты такой милый… Ты ведь и сам не раз слышал, как кричат люди, умирая… Слышал ведь?

— А это. — Во рту у Эрнеста вдруг пересохло; он словно оказался вдруг перед лицом неожиданного соперника. — Об этом тебе Джеральд рассказывал?

— Ему же нужно было с кем — то поделиться.

— Да. Да, конечно. — Эрнст облизнул пересохшие губы.

— А ты разве никогда никому об этом не говорил? Тинклеру, например?

— Тинклеру ничего не нужно было рассказывать: мы с ним вместе через все это прошли.

«Тот огонек в глазах тети Аглаи… — подумал он вдруг. — Точно так же горели глаза и у того генерала! И Тинклер тоже узнал этот блеск в глазах…»

— Тогда, может, стоило рассказать об этом врачу?

— Врачи, которые лечили меня, не были на фронте. Возможно, они многое могли бы себе вообразить, но *такого о*ни никогда не видели.

— Но ведь врачи тоже часто видят, как умирают люди. И это порой бывает так ужасно! Во время катастроф на железной дороге… или в охваченных пожаром домах… Но еще хуже, когда они умирают в результате неправильно сделанной врачом операции…

— Несчастный случай предотвратить нельзя. А войну люди развязывают по собственной воле!

— Да, конечно… Ты прав. Но неужели у тебя в жизни не было такого человека, которому ты мог бы рассказать все, абсолютно все?

Он покачал головой.

— А я? — Она взяла его за руку и потащила к скамье: он совершенно не сопротивлялся. — Я знаю, по — твоему, только Индия — такая вечная страна, где ничто никогда не меняется, но поверь, в Англии тоже очень много вещей, оставшихся неизменными с незапамятных времен; причем их гораздо больше, чем современные англичане хотят признать. Под маской «добрых традиций» и «старинных обычаев» продолжают существовать самые настоящие предрассудки и суеверия, отголоски древних верований. Да разве и самое главное таинство христианской веры не является по сути своей человеческим жертвоприношением? А если это так, то таинство Причастия, по — моему, весьма сильно связано с символическим каннибализмом!

— Что, интересно, сказал бы твой дед, если б…

— Если б услышал, что я говорю? Он бы обвинил меня в плагиате.

— Ты хочешь сказать, что это он научил тебя?..

— Мой дед обладает очень широким кругозором. Разве ты этого еще не заметил? Как ты думаешь, почему я с юных лет запросто обхожусь без «присмотра» какой — нибудь пожилой дамы?

На лице Эрнеста был прямо — таки написан тот мучительный вопрос, который он не осмеливался произнести вслух.

— Я могу читать твои мысли по глазам! — усмехнулась Элис. — Ты хочешь спросить, было ли ему известно о наших отношениях с Джеральдом? Не знаю. Никогда его не спрашивала. И никогда не спрошу. Скорее всего, он догадывался, но ни в малой степени не изменил своего отношения ко мне, а когда пришло страшное известие… — Голос у нее дрогнул. — Он вел себя просто замечательно! Неужели ты ревнуешь меня к Джеральду?

— Нет. И порой сам этому удивляюсь. Не могу я ревновать тебя к нему! Мало того, мне бы хотелось с ним познакомиться. Я думаю, мы стали бы друзьями.

— Я тоже так думаю. — Элис стиснула его руку. — А теперь расскажи мне то, чего до сих пор не мог рассказать никому другому.

— Я попробую, — прошептал он. — Попробую…

И все разом хлынуло наружу, как гной из прорвавшегося нарыва: пережитые и крепко сидящие в памяти ужасы, и ужасы воображаемые, возникающие на границе между бодрствованием и сном. И то, каково было понимать, что ты вынужден подчиняться приказам безумца и никак

не можешь избежать исполнения этих приказов. И то, каково было задыхаться от собственной блевотины во время газовой атаки и видеть своих умирающих товарищей в вонючей жиже на дне окопа; пожимать человеку руку, понимая, что вы, должно быть, в последний раз обмениваетесь рукопожатием, ибо различия между вами не столь уж существенны: либо ты, либо он на закате будет уже мертв. И то, каково это — взять на мушку вражеского снайпера, устроившегося на верхушке дерева или на колокольне, прицелиться в него хладнокровно, словно в кролика на лесной полянке, и не думать о том, что ты стрелял в такого же человека, как ты сам, пока не исчезнут из вида его беспомощно молотящие воздух руки…

И этот бесконечный вой и грохот артиллерийских снарядов, и торопливые пулеметные очереди, и весь этот адский шум боя, заставлявший умолкнуть даже певчих птиц, которые покидают созданную руками человека безжизненную пустыню…

Элис сидела очень тихо. Лицо ее в неясном свете было очень бледным и каким — то невыразительным. Но руки Эрнеста она ни разу не выпустила, хотя он в волнении болезненно мял и

ломал ее пальцы. Когда он наконец умолк, слезы так и бежали у него по щекам.

Но очищение все же пришло. А она, прижимая его к себе и поцелуями осушая его слезы, сказала:

— Знаешь, однажды в замке, еще в семнадцатом году, я познакомилась с женщиной из Лондона. И она хвасталась перед всеми гостями, что тоже «работает на фронт». «Работа» ее заключалась в том, что она на улицах раздавала белые перья мужчинам, на которых не было военной формы. Я помню, как мечтала похитить эту особу и послать ее на фронт вместе с одной из бригад добровольцев!

Эрнест вдруг совершенно невпопад сказал:

— Я люблю тебя.

— Да, я знаю, — спокойно ответила она. — И я очень этому рада!

— Ты… знала?

— Ах, дорогой мой! — Она наконец выпустила его руку и со смехом откинулась на спинку скамьи. — Вот этого ты как раз скрывать так и не научился! Слуги всю последнюю неделю только об этом и говорили. Да и в деревне тоже, по — моему… Твоя тетка, насколько я знаю, совершенно всем этим шокирована. Впрочем, после ее беседы

с глазу на глаз с епископом…

— Постой, ради бога! У меня уже и так голова кругом…

Элис тут же раскаялась:

— Ох, прости! Мне бы, конечно, следовало оставить тебя в покое: ведь это же так страшно — вывернуть свою душу наизнанку! Но… — Она вскочила, собираясь уходить. — Пусть сегодня ночью все дурные сны приснятся мне — ведь я не была там, хотя и мечтала об этом, чтобы хоть как — то помочь!

И она исчезла — так внезапно, словно была живым воплощением… Ее!

«Боже мой, теперь мне понятно, кто эта “Она”, о которой говорил Гаффер Тэттон!» — мысленно воскликнул Эрнест.

И эта мысль явилась, точно эхо тех вод, что журчат в земных глубинах под холмом, и тех слов, что запомнились ему с детства: «И воды подземные…»

А еще он вдруг вспомнил богиню Кали, увешанную гирляндами из человеческих черепов, и не сумел сдержать дрожь.

— Ну, мистер Эрнест, — спросил его Гирам Стоддард, — нравится вам то, что мы сделали по вашим рисункам? Правильно у нас получилось

или не совсем?

На трех больших панно идеи Эрнеста были воплощены весьма своеобразно — это было нечто вроде мозаики, втиснутой в мягкую глину, причем «мозаика» была исключительно природного происхождения: цветы, косточки плодов, шишки, перья и т. п.

С одной стороны, ему тут же захотелось признаться Гираму, что это не совсем то, что он рассчитывал увидеть, однако же вторая и, видимо, более мудрая половина его души безоговорочно одобрила работу деревенских умельцев.

Как изобретательно в каждом отдельном случае они уловили тайный подтекст, заключенный в сюжете, и взаимосвязь центрального персонажа с остальными! Вот здесь, например, старшая женщина весьма выразительно, полуобернувшись, с презрением отталкивает женщину в центре, явно считая ее грешницей, достойной справедливого наказания!

Если честно, он заметил, что исполнители его замысла кое — где что — то прибавили, а что — то убрали, но теперь это казалось ему исключительно осмысленным. Он вдруг понял, что подсознательная ненависть к тетке привела к тому, что в каждом его наброске образ леди Аглаи

невольно доминировал над остальными. Но теперь, рассматривая выставленные перед ним мозаики, Эрнест заметил, что на первом панно деревенские искусники оставили хозяйку усадьбы в центре, то есть практически без изменения; на втором они несколько уменьшили ее фигуру и как бы отодвинули ее дальше от центра, а на третьем, который предназначался для перекрестка у Старого родника, отвели ей местечко в самом уголке и рядом с ней не поместили никого…

«Возможно, это достаточно примитивный прием, — думал он, — однако многие из лучших художников Франции, да и Англии тоже, в последнее время все активнее прибегают не только к примитивизму, но и к приемам откровенно дикарского, доисторического искусства. Возможно, из — за того, что мы, так называемые цивилизованные страны, доказали свою способность на куда большее варварство! Да, здешние мастера правы! И те изменения, которые они внесли в мои эскизы, совершенно справедливы».

Примерно так он сказал и тем, кто с волнением ожидал его приговора. Деревенские художники заулыбались и, с облегчением вздохнув, отправились устанавливать мозаичные панно в назначенных местах, чтобы подготовить все к

завтрашней церемонии. И тут Эрнесту пришло в голову, что стоило бы в последний раз взглянуть и на некоторые другие фигуры, изображенные на картинах.

Слегка напуганные тем, что он вдруг вернул их назад, крестьяне подошли к нему и молча ожидали окончательного приговора.

Однако и теперь Эрнест их работой остался доволен; то, чего он опасался, на картинах отсутствовало. Сходство центральных женских фигур с леди Аглаей и Элис, и без того весьма приблизительное, было существенно искажено из — за использования уже упоминавшихся подручных материалов. На какое — то мгновение, правда, ему показалось, что он придал слишком много собственных черт второй центральной фигуре, изображавшей Иисуса…

— Да не переживайте вы так, сэр! — попытался успокоить его Гаффер Тэттон, явившийся по первому зову и теперь стоявший рядом, постукивая своей палкой. — Вы же и сами все понимаете.

И, не дожидаясь каких — то слов от Эрнеста, Гаффер отошел от него, а деревенские обрадованно потащили панно к колодцам. За ними потянулась веселая ватага детей, возглавляемая школьной учительницей мисс Хикс, которая

решила воспользоваться представившейся возможностью и провести урок истории на свежем воздухе.

В ту ночь Эрнест долго не мог уснуть, как если бы ему назавтра предстояло некое представление с одним действующим лицом, в котором именно он должен был исполнить главную роль. Примерно те же чувства испытывал он мальчишкой в Индии, наглядевшись на восхитительные изображения божеств, обмазанных маслом «гхи» и украшенных листьями и лепестками цветов перед очередным индуистским празднеством.

Почему он раньше не заметил схожести этих действ и этих переживаний? Возможно, былые чувства и переживания скрыл от него железный занавес войны? Но сегодня он всюду вокруг себя ощущал как бы странную пульсацию, точно некая первобытная сила поднималась из подземных глубин на поверхность…

«И воды подземные…»

Проснувшись в темноте и со страхом ощущая, что старый и прочный дом священника раскачивается, точно Ноев ковчег в бурном море, Эрнест нашарил на столике у кровати спички. В замке имелся электрогенератор, но домик священника, как и встарь, освещался свечами и керосиновы-

ми лампами. Когда слабый огонек разогнал тьму, Эрнест тихо и удивленно воскликнул: «Элис!», ибо она как раз закрывала за собой дверь.

В легкой ночной рубашке, босиком она в несколько прыжков пересекла пространство от двери до кровати. Она явно отлично знала, какая из досок пола может скрипнуть у нее под ногой, и старательно этого избегала.

— Я вообще — то не собиралась приходить к тебе, — промолвила она задумчиво, словно сама себе удивляясь. — Во всяком случае, пока что. Во всяком случае, не раньше завтрашнего дня — когда все будет уже позади… Но я ничего не могла с собой поделать! Разве ты не чувствуешь, Эрнест, как что — то меняется вокруг нас?

Спичка, догорев, обожгла ему пальцы. Легким движением Элис помешала ему зажечь еще одну и заставила положить коробок на столик. Он промахнулся и услышал, как загремели спички, упав на пол. И еще что — то упало на пол с легким шорохом, и Элис оказалась с ним рядом в постели, а ее руки и ноги переплелись с его руками и ногами…

— Нет, ты скажи, ты чувствуешь это движение, эти перемены? — снова настойчиво спросила она.

— Да! Мне кажется, будто меняется весь мир!

— Может быть. Но меняется он не к худшему! Во всяком случае, сейчас не к худшему… О, мой любимый, вернувшийся из ада! *Добро пожаловать снова домой!*

Руки Элис расстегивали его пижаму, и через несколько мгновений все вдруг исчезло — остались только вкус и аромат любви, ощущение ее силы и приносимой ею радости.

— А если… — сказал он позднее в темноту.

Сразу же поняв, о чем он, она прервала его:

— Ну и что? Надеюсь, ты собираешься на мне жениться?

— Конечно. Но даже и в этом случае…

Она велела ему молчать, прижав к его губам палец.

— Запомни, дорогой: в этой части света все еще властвуют старые законы. Разве кто — нибудь из знакомых тебе здешних жителей порицал, например, миссис Гибсон?

— Только моя тетя.

— А тебе кто — нибудь рассказывал, через сколько месяцев после свадьбы миссис Гибсон родила своего первенца?

— Э — э–э… нет!

— Мальчик, видимо, был зачат в конце 1907 го-

да. Они не справляли свадьбу, пока мистер Гибсон не получил повестку, хотя давным — давно были помолвлены. Второй ребенок родился после того, как Гибсон побывал в отпуске. А насчет третьего ты знаешь. И люди считают это совершенно естественным. Да, ты прав, кто — то может и дурно подумать о нас с тобой. Только не я. И не они.

— Ну а я-то никогда не смогу плохо о тебе подумать! Никогда! — И он скрепил свое обещание страстным поцелуем.

— Даже если я сейчас украдкой уберусь прочь?

— Элис, дорогая…

— Нельзя же, чтобы меня обнаружили здесь утром слуги! Вне зависимости от того, насколько терпим мой дедушка. Нет, ты уж меня, пожалуйста, отпусти. — И она выскользнула из постели, быстро накинув свой пеньюар. — У нас впереди целая жизнь, милый, давай же не будем попусту торопить события.

— Ты права, — вздохнул он. — Жаль, что у меня нет и половины твоего здравомыслия!

— А мне жаль, что у меня нет и половины того самообладания, какое ты проявил тогда на пожаре! Между прочим, будь у нас все это, мы с тобой могли бы составить отличную пожарную команду! — И она наклонилась, чтобы на прощание

поцеловать его в лоб. — Господи, что это!

Откуда — то издалека до них донесся чей — то вопль — слабый, но какой — то жутко пронзительный, точно плач проклятой души.

Эрнест тут же сел в постели и принялся размышлять вслух:

— Больше всего, пожалуй, похоже на визг заколотой свиньи… Мистер Эймс предлагал свою свинью… Но неужели традиция предписывает приносить ее в жертву среди ночи?

— Я ничего подобного никогда не слышала! Однако этот вопль наверняка перебудил половину округи! Мне нужно немедленно уходить!

И Элис убежала.

В первые несколько минут Эрнест решил ни в коем случае не обращать на этот шум внимания. Он снова улегся в постель и стал вспоминать те лучшие в мире доказательства любви, которые только что получил. Но его сладкие грезы вскоре были прерваны шумом внизу. Теперь явно не спал уже весь дом. После того как он проявил себя в ночь пожара настоящим героем, отлеживаться теперь было просто негоже. Он торопливо одевался, когда в дверь постучал Тинклер.

— Уже иду! — покорно откликнулся Эрнест.

Спустившись в прихожую, он обнаружил там

Элис — опять в брюках и грубом свитере, но все же неописуемо прекрасную.

«Как она прекрасна! — мысленно восторгался Эрнест. — И не только внешне: самое прекрасное в этой девушке — это ее душа… Нет, она была девушкой. А теперь она настоящая женщина!»

И сделал из этого неожиданный вывод: интересно, кто — нибудь еще это заметил?

Похоже, заметили все.

На этот раз всем распоряжался не он, а Элис. И у нее это получалось просто отлично! Она успокоила миссис Кейл и послала ее передать деду, что тот может спокойно продолжать спать. Она отыскала фонарь, зажгла его и двинулась во главе всей процессии к Старому роднику у перекрестка, где накануне как раз укрепили третье панно и где уже собирались жители деревни, тоже вооруженные фонарями. Среди них был и Гаффер Тэттон. Старик был полностью и вполне аккуратно одет, и Элис, заметив удивление Эрнеста, шепнула ему:

— Гаффер живет в доме напротив. Совершенно один. Честно говоря, я не думаю, что он так уж часто снимает одежду.

Эрнест не выдержал и улыбнулся. Что ж, это многое объясняло!

Но он — то с чего чувствует себя таким счастливым? Да еще так отважно держит за руку свою подругу, не обращая внимания на остальных жителей деревни? Да, с ним явно происходило нечто непонятное, он словно оказался во власти некой могучей силы, совершенно недоступной его пониманию. И при этом он, точно ребенок, глаз не сводил с Элис, ожидая ее указаний.

Но она никаких указаний ему не давала, да и никто другой тоже. Наконец они достигли подножия холма и увидели то, на что во все глаза смотрели те, кто успел прийти сюда раньше. Панно у колодца осталось нетронутым. Однако прямо перед ним, в том самом месте, о котором Эрнесту рассказывал Гаффер Тэттон, где трава росла прямо на перепревшей листве, скопившейся на тонком слое черепицы, некогда обрамлявшей колодец, зияла огромная черная дыра.

И возле этого провала валялся деревянный молоток.

Начиная догадываться, что здесь произошло, Эрнест тихо спросил:

— Неужели это?..

— Да, видимо, так, сэр. — Гирам Стоддард вышел из толпы в круг света, отбрасываемого фонарями. — Нас всех молодой Роджер поднял… Вот

он. Ну, молодой человек, теперь ты достаточно взрослый, так что рассказывай сам.

И юного кучера леди Пик вытолкнули из толпы вперед.

— Видите ли, сэр, — начал, запинаясь, Роджер, — как вы из замка — то ушли, ее милость стала вести себя все страньше и страньше… И раз мы слышим — встает она среди ночи!.. Меня — то Мэй разбудила, ее горничная, сэр, она спит в соседней с ее милостью комнате… И Мэй сказала, что хозяйка встала и ушла куда — то. И все ругалась себе под нос, все что — то бормотала… — Роджер с шумом сглотнул. — А еще Мэй сказала — вы уж простите меня, сэр! — будто ее милость совсем рассудка лишилась!

— А дальше что было?

Эрнест и сам хотел задать этот вопрос. Но Элис его опередила. И спросила очень спокойно, абсолютно не думая о том, какое впечатление на собравшихся может произвести ее мужской наряд.

— Ну… — Роджер беспокойно переминался с ноги на ногу. — Вы ведь знаете, сэр: в замке возле гонга, которым на обед созывают, всегда деревянный молоток висел… А потом этот молоток исчез. И я так и не смог придумать, кто еще, кроме ее

милости, мог бы его взять…

Эрнест наклонился, поднял молоток и сказал, разглядывая его:

— Да, это он. И, по всей видимости, моя тетка взяла молоток и пошла к колодцу, чтобы разбить эту картину, верно?

По толпе пролетел вздох облегчения. А Гаффер Тэттон был настолько доволен, что даже кое — кого подтолкнул под ребра.

— Похоже на то, — каким — то странно напряженным голосом проговорила Элис. — Только она не знала, какая ветхая у колодца крышка… И будучи женщиной толстой и тяжелой…

— Ах!.. — вырвалось у Гаффера Тэттона. — Уж в этом — то смысле она двоих стоит! Это точно!

Остальные старательно прятали глаза, но даже Эрнест догадался об истинном смысле слов Гаффера. А через некоторое время Гирам Стоддард как бы подвел итог:

— Так что никто ничего поделать не мог!

Его слова вызвали гул всеобщего одобрения. Эрнест задумчиво переводил взгляд с одного лица на другое. Он понимал: именно на это они и надеялись; точнее, надеялись, что так вполне может случиться. И не имело смысла сейчас говорить, что если б они, услышав ее вопль, прибежали

сюда чуть раньше, то, возможно, спасли бы ей жизнь. А с другой стороны — да с какой стати им ее спасать? Будь он на их месте, тоже вряд ли поспешил бы…

И снова он ощутил близкое присутствие неведомой и могучей силы — прямо тут, у себя под ногами. Только сейчас, в эти быстротечные глухие ночные часы, он отчетливо слышал, как глубоко под землей мчится бурный поток…

«К сожалению, уже не такой чистый, как прежде», — подумал он.

— Принесите крючья и веревки, — сдавленным голосом велел он людям. — Надо вытащить ее оттуда. А те, кто всегда берет воду из этого колодца, пусть лучше пока воздержатся.

— Мы уже подумали об этом, сэр, — сказал Гирам. — Те, к кому в дом отсюда проложены трубы, на всю ночь оставят краны открытыми.

— Чтобы все ее следы смыло! — сказал Гаффер Тэттон, улыбнулся беззубым ртом и заковылял через дорогу к своему дому.

— Вы намерены продолжать праздник? — спросил Эрнест священника за ранним завтраком; глаза у Эрнеста были красные.

— Разумеется.

— А вам не кажется, что при сложившихся

обстоятельствах это не совсем уместно?

— Дорогой мистер Пик… А может быть, я могу называть вас просто Эрнест? Особенно если учесть ту степень нежных чувств, которые вы испытываете к моей внучке?

«О, старый мудрый филин! — подумал Эрнест. — И ведь он, пожалуй, выглядит чрезвычайно довольным!»

— Да, конечно, — машинально ответил он.

— Ну что ж, мой дорогой Эрнест: вы ведь, если честно, и сами не думаете, что это было бы так уж неуместно, не правда ли?

— Если честно — да!

— В таком случае мы будем продолжать праздник. И, между прочим, — мистер Поллок вытащил из кармашка часы, которые были очень похожи на часы Гаффера Тэттона, — нам уже пора.

Эрнесту показалось, что буквально все жители деревни высыпали на улицу, чтобы принять участие в праздничном шествии, хотя этот день и считался рабочим. Процессию возглавил священник, а рядом с ним шел юный Роджер, нагруженный кропильницей, полной святой воды, и пучком трав, изображавшим кропило. С помощью этого кропила мистер Поллок обрызгивал святой водой панно у каждого колодца,

прежде чем произнести слова благословения, после чего церковный хор затягивал подходящий псалом. За священником, его помощником и хором тянулись деревенские жители, выстроившиеся по старшинству; в самом хвосте шли дети под строгим присмотром мисс Хикс. Лишь двое детей — мальчик и девочка — шли впереди всех и несли в руках пышные букеты зеленых веток.

Слушая пение псалма — сперва тихое, но постепенно становившееся все громче, — Эрнест вдруг подумал, что, с тех пор как он сюда вернулся, он ни разу не видел столько улыбок одновременно.

Когда мистер Поллок благословлял второй колодец, Эрнест почувствовал, что кто — то застенчиво потянул его за свободную руку (в другой руке он сжимал руку Элис). Опустив глаза, он увидел перед собой женщину с измученным, покрытым морщинами лицом и раньше времени поседевшими волосами. То была миссис Гибсон.

— Нам с малышами давно уж пора было поблагодарить вас, мистер Пик, — прошептала она. — Но теперь всей нашей деревне надо сказать вам спасибо за то, что вы вернули людям такой хороший старый обычай! Да благословит вас Господь, мистер Эрнест!

И она исчезла в толпе.

Но, поискав ее взглядом, Эрнест вдруг перехватил взгляд Гаффера Тэттона; старик прямо — таки сиял от удовольствия и тайного торжества, словно хотел воскликнуть: «Ну, а что я вам говорил, сэр?!»

Наконец процессия приблизилась к перекрестку у Старого родника. После событий нынешней ночи ожидание чего — то необычного прямо — таки висело в воздухе, хотя обряд благословения Старого родника проходил с теми же молитвами, с теми же цитатами из Библии, в которых утверждалось, что вода — это жизнь. Но явно люди ожидали чего — то большего, и оно внезапно случилось.

Прервав подготовленную заранее речь, старый священник оглядел собравшихся и вдруг сказал:

— Друзья мои! Надеюсь, после стольких тяжких лет, пережитых нами вместе, я могу вас так называть?

Люди снова заулыбались — широко и благодарно.

— Среди нас есть люди, которые считают неправильным или даже злонамеренным сохранение той традиции, которую мы возродили сегодня. К счастью, я не из их числа!

«Мы тоже!» — был молчаливый ответ толпы, а

священник продолжал:

— Все мы знаем: то, что нам дана жизнь, что мы появились на свет, что нам дан разум, что мы можем научиться прославлять нашего Создателя, — все это настоящее чудо!

Горячие слова священника вызвали аплодисменты, но братья Стоддард погасили этот первый всплеск эмоций, и мистер Поллок снова заговорил:

— Разве не должны мы быть благодарны за пищу, которую едим, и за воду, которую пьем? И за то, что наши земли дают богатый урожай? И за то, что здоров наш скот, а наше имущество в целости и сохранности? И за то, конечно, что нам дано оставить после себя детей, и эти дети последуют по нашим стопам, когда мы неизбежно будем призваны в царство праведных… На этом празднике сегодня мы открыто говорим, что все мы, люди, в долгу перед Создателем, и особо отмечаем великий дар воды. Этот дар обязывает нас всегда помнить, что он — лишь один из многих даров Всевышнего, главным из которых является любовь. Да благословит вас всех Господь!

И старый священник повернулся лицом к тому панно, в создание которого Эрнест и другие деревенские мастера вложили столько старания

и труда, и громко произнес соответствующую данному торжественному событию молитву. И многие из присутствующих молились с ним вместе.

Но Гаффера Тэттона среди молящихся не было. Сгорбившись, побуждаемый, видимо, причинами чисто физиологического характера — старческой слабостью в виде переполненного мочевого пузыря, — старик спешил к дому. Но не успел священник завершить благословляющее действо, как Гаффер снова выскочил на крыльцо и что было сил заорал:

— Клянусь, она сладкая!

Все головы разом повернулись к нему.

— Вода сладкая! — продолжал орать Гаффер Тэттон. — И ничем дурным даже не отдает! Я пил эту воду всю жизнь, и, несмотря на вчерашнее, Она снова сделала ее чистой и сладкой!

— Он хочет сказать… — прошептала Элис Эрнесту в самое ухо, но он остановил ее.

— Я все понял. По словам Гаффера, для этой воды не имеет значения, какой ужасной была при жизни моя тетка и сколько времени ее тело пролежало в колодце: вода не испортилась! Когда мы поженимся, любовь моя… кстати, ты не будешь возражать, если мы сделаем это дважды?

— Но разве это возможно? — Элис отстранилась от него, внимательно глядя ему в лицо широко раскрытыми серыми глазами.

— Один раз мы это сделаем для меня, мужчины, во имя Отца и Сына. А во второй раз — для тебя. Во имя… в Ее честь, Элис! Как ты к этому отнесешься?

— Но Ее имени не знает никто!

— Это не так уж и важно, не правда ли? Мы ведь знаем, что Она существует, верно?

Элис, немного подумав, уверенно кивнула:

— Да, я давно это знала. Как и Гаффер Тэттон. Вот только удивительно, как это ты так быстро все узнал и понял… Но, честно говоря, я ужасно этому рада, мой дорогой! Мы будем жить в замке?

— В основном да. Во всяком случае, мне бы этого хотелось. К тому же я ведь единственный наследник. Но на медовый месяц я хочу непременно увезти тебя в Индию. Хотя и не могу обещать, что тебе удастся присутствовать на церемонии поклонения богине Кали.

Улыбаясь, она сжала его руку.

— По — моему, я видела более чем достаточно злобных воплощений женской сущности… — Она спохватилась и умолкла. А потом воскликнула: — Боже мой, Эрнест, это же просто ужасно! Она

еще и остыть не успела, а мы с тобой уже обсуждаем, как проведем медовый месяц… Тогда как нам бы следовало обсуждать ее похороны!

— Извините, мистер Эрнест!

Они обернулись и увидели рядом с собой братьев Стоддард.

— Мы вас не задержим и сейчас уходим, да только сперва все ж хотелось поздравить вас обоих и вот что сказать: мы очень надеемся, что вы будете счастливы!

«Господи, и как только они узнали?» — мелькнула у Эрнеста в голове мысль.

Но тут он вспомнил, что ему говорила Элис насчет разговоров в людской и по всей деревне, и с огромным облегчением во весь рот улыбнулся.

— Огромное вам спасибо! Сегодня ведь у нас вечером пир? Вот там и встретимся!

А позднее, уже после того, как пожертвованная мистером Эймсом свинья была разделана, зажарена и съедена гостями, когда свою долю жаркого получили и все те, кому пришлось остаться дома, в том числе и миссис Гибсон с детьми, — уже после всего этого в темноте спальни Эрнест сказал Элис:

— А знаешь, по — моему, во второй свадьбе особой необходимости и нет.

— Вот как? — прошептала она, щекоча его шею теплыми губами.

— Ведь Ей — то известно, что мы уже женаты, верно?

— Угу — м–м-м… Именно поэтому я и удивилась, когда ты заговорил о второй свадьбе… А может, мы еще разок, а?..

— О да! Да!

И уже поздней ночью, перед тем как они впервые уснули в объятиях друг друга, предварительно решив не беспокоиться насчет возможных сплетен и обиды со стороны мистера Поллока или Тинклера, Эрнест вдруг задумчиво произнес:

— А все — таки это забавно!

— Что именно?

— До чего же тесна связь между тем, что видишь в далекой Индии, и тем, что вдруг обнаруживаешь у себя дома!

— Но что же здесь странного? — Элис приподнялась на локте, и простыня соскользнула с ее прелестной груди; лицо Элис смутно белело в неясном свете, лившемся из окна. — Разве с наукой не то же самое?

— В каком смысле?

— Нельзя ожидать, чтобы наука в целом остановила свое развитие только потому, что очередное

открытие сделано в той стране, а не в этой, верно ведь?

— Да, разумеется.

— Ну вот, — Элис снова улеглась поудобнее, — и с религией так же… В конце концов, все мы люди.

— Ты хочешь сказать…

— Я хочу сказать, — твердо сказала Элис, — что кто бы Она ни была — та, которая стережет колодцы и родники Уэлстока и таким чудесным образом соединила нас с тобой, — это всего лишь еще одно воплощение того, кем являемся мы все: ты, я и остальные люди. И то же самое в Индии. Да и во всех тех бесчисленных странах и мирах, которые мы видим лишь в наших снах и мечтах. И вот в этих — то последних я, с разрешения Всевышнего, и предлагаю сейчас побывать. Спокойной ночи, милый!

Эрнест еще некоторое время лежал без сна, обдумывая ее слова, и наконец спросил:

— А как ты думаешь, примут ли нас местные жители — с такими — то воззрениями?

— Конечно. Пока мы вместе с ними будем почитать Хозяйку вод, — послышался сонный голос Элис, — им совершенно не о чем беспокоиться. Да и с какой стати!..

«А действительно, с какой стати им беспокоиться?» — решил Эрнест, и сомнения его тут же улеглись.

Новый хозяин Уэлстока, удовлетворенно вздохнув, уснул рядом со своей молодой женой.